

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchecoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Landern . . . 70 pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 3 (335)

15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, г. Broca (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Tél.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

10 Февраля 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: “Bâtiment 11”

СОДЕРЖАНИЕ

М. С. Зборовский.

Ф. Дан. Прямое, равное, тайное...

В. Александрова. Расправа с оппозицией.

О. Доманевская. Индустрия СССР в 1934 году.

С. Шварц. Новый поход.

Заграницей: Рабочее единство и Межрабпом. — Борьба те-

чений в социалистической партии С. Ш. С. А. — Леон

Фельетон: П. Гарви. Памяти старого подпольщика (М. С. Зборовский).

Осман (некролог).

По России: Отклики убийства Кирова и расправы с оппозицией. — Аресты коммунистов и анархистов. — Отцы и дети в коммунистической и «лишенской» семье. — «Как у Гитлера» — Нужный человек. — Совещание у Сталина и проекты реформ.

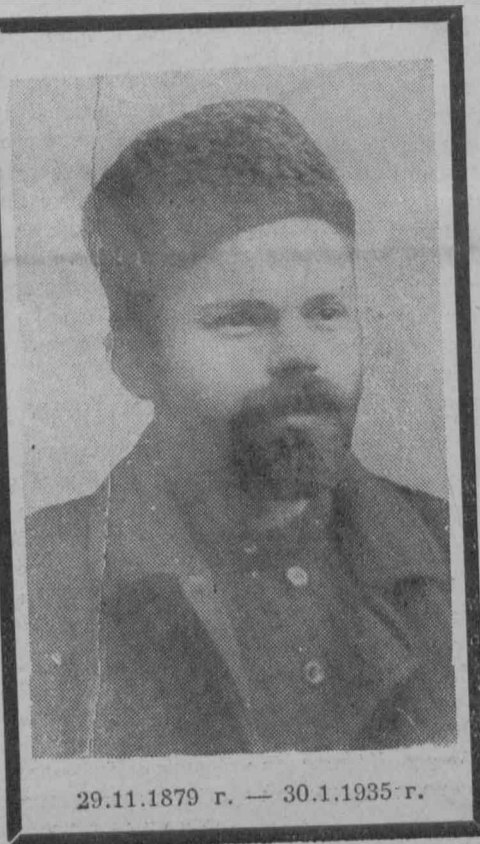
Из партии: К вопросу о едином фронте. — Почтовый ящик.

М. С. ЗБОРОВСКИЙ

В наших партийных рядах пробита новая брешь. В социалдемократическом изгнании прибавилась новая могила. Не стало Зборовского. В ночь на 30 января перестало биться его, уже давно больное сердце.

Зборовский не был ни литератором, ни теоретиком, ни идейным вождем движения. Но, начав свою подпольную работу 19-летним юношей в 1898 году, он сумел очень скоро приобрести в движении широкую известность и выдвинуться в первые ряды партии, как практик социалдемократии.

Он проходил свою революционную школу и развертывал все шире свою революционную работу в эпоху, когда с каждым годом все бурнее развивалось рабочее движение, переходя от местных, чисто экономического характера конфликтов ко все более грандиозным, под конем всеобщим забастовкам, митингам демонстрациям; когда революционный прилив вовлекал в свой водоворот и интеллигенцию, и крестьянство, и либеральное общество и даже последнюю опору царизма — ар-

29.11.1879 г. — 30.1.1935 г.

мию и флот. И он проходил эту школу на юге России — в Одессе, Ростове-на-Дону, Екатеринославе, где волны революции вздымались особенно бурно и высоко, где, особенно с начала 20-го века, жизнь была ключом и события выливались в грандиозные и драматические формы.

На этой почве, непрерывно согреваемой извержениями революционного вулкана, развивалась российская социалдемократия, зародилась и рос российский меньшевизм формировались его работники. Эпоха была захватывающая, заражающая энтузиазмом и верой в победу революции, требовавшая от практических работников социалдемократии громадного напряжения сил, высокого под'ема духа, подлинного героизма. Но особых качеств требовала она от социалдемократов-меньшевиков.

Они должны были быть, как все революционеры того времени, конспираторами, заговорщиками, способными вести изо дня в день партизанскую войну с царской

полицией, с жандармерией, со всем могучим аппаратом самодержавия, под носом у врага строить нелегальную организацию, распространять нелегальную литературу, устраивать тайные типографии и фабрики паспортов, невзначай собирать и охранять митинги и демонстрации, обслуживать границу для перевозки литературы и людей, организовывать побеги из тюрем и мест ссылки, разоблачать и обезвреживать шпионов и провокаторов, поддерживать связь с другими партийными организациями и партийными центрами в России и за границей, всю свою жизнь приспособлять к пребыванию в подполье с тем, чтобы в нужный момент вынырнуть из него и выступить оратором на митинге, вожакем демонстрации, политическим руководителем солдатского или матросского восстания.

Всеми этими качествами конспиратора и подпольщика в высочайшей степени обладал Зборовский. Как никто, он умел находить дорогу к сердцам тех рабочих, крестьян, мещан, солдат, матросов, с которыми его сталкивала его революционная работа. Как никто, умел он приспособляться ко всякой среде, тонуть в ней, меняя свое обличье. Как никто, умел он водить за нос врагов, с поразительной находчивостью выпутываясь из самых трудных положений и выполняя самые рискованные предприятия. Его жизнь этих лет — роман революционных приключений, который будет читаться с захватывающим интересом, если когда либо будет написан.

Но, несравненный конспиратор и подпольщик, Зборовский в высочайшей степени обладал и другими качествами, именно в меньшевистских рядах выдвигавших его на первое место. Ибо, в отличие от всех других революционных направлений той эпохи, меньшевизм, с самого дня своего возникновения в антагонизме с большевизмом, сознательно ставил себе задачей — еще в процессе подготовки революции организовывать возможно более широкие массы рабочих, формировать классовое рабочее движение, как самостоятельную силу, идущую в контакте с другими социальными силами революции, но отдельно от них, сотрудничающую с ними в деле борьбы с самодержавием, но ни на минуту не забывающую о своих особых интересах и целях и готовящуюся противопоставить себя всему буржуазному обществу на другой день после общей победы над царизмом.

Этой основной, пролетарски-классовой задаче меньшевизма должна была быть поставлена на службу вся его конспиративная, подпольная организация и работа. Развитие классовой организованности и классовой самостоятельности рабочих еще в ходе подготовки и осуществления революции стало его основным стратегическим лозунгом. И никто не умел проводить этот лозунг в жизнь с большим успехом, чем Зборовский, которому опять-таки его интимный контакт с теми рабочими массами, среди которых он работал, его способность находить с ними общий язык, его умение объяснять им «сложную» меньшевистскую тактику, как выражение их собственных заветных мечтаний и естественное порождение их собственных насущнейших интересов, давали возможность облекать идеи Аксельрода и Мартова в плоть и кровь повседневной практики.

Не случайно поэтому, что именно Зборовскому принадлежала в бурные дни октябрьской забастовки 1905 года в Петербурге инициатива созыва собрания выборных представителей от рабочих всех бастующих предприятий, и что именно он оказался председателем этого собрания, на котором 13 октября 1905 года поднялся знаменитый Петербургский Совет Рабочих Депутатов — подлинный руководитель рабочей революции той эпохи...

Образование Совета было высшей кульминационной точкой революции 1905 года. Оно же было высшей кульминационной точкой и революционной работы Зборовского в то время. Затем последовал разгром Совета, арест Зборовского, суд, ссылка на поселение, побег и длительная эмиграция, закончившаяся лишь с началом новой революции 1917 года. Но в советском режиме, большевистски извращенном и из организации свободного самоуправления широчайших рабочих масс превращенном в орган господства над ними кучки партийных диктаторов, не нашлось места для подлинного родоначальника революционного Петербургского Совета 1905 года и советской идеи: в 1919 году Зборовский снова оказался в эмиграции, из которой ему уже не суждено было вернуться на родину и где его сразил тяжелый и мучительный недуг.

В лице Зборовского сошел в могилу один из блестящих представителей прошлого меньшевизма, его героического прошлого. Но умер человек, а это прошлое, с его пламенной верой, с его захватывающим энтузиазмом, с его беззаветной готовностью к подвигу, — оно живо. Оно живет в сердцах тех сотен и тысяч социалдемократов, которых не могли сломить никакие преследования, которые в тюрьмах и ссылке сохраняют верность своему знамени. Оно живет в тех безвестных рабочих нашего подполья, которые и по сей час, в неслыханно-тяжелых условиях террористически-диктаторского режима, хранят идейную и организационную преемственность партии. И оно ярким и согревающим пламенем вспыхнет вновь, когда новая эпоха и новые задачи призвуют новое поколение социалдемократов к новым подвигам героического служения делу освобождения рабочего класса и, вместе с рабочим классом, всего человечества.

Образ Зборовского, выдающегося представителя славной плеяды самоотверженных деятелей героического прошлого меньшевизма, будет и из глубины могилы помогать социалдемократии готовить это новое меньшевистское поколение к предстоящему ему — героическому будущему.

ПАМЯТИ М. С. ЗБОРОВСКОГО.

31 января состоялось собрание Парижской Группы Содействия Партии (клуб имени Мартова), посвященное памяти М. С. Зборовского.

После краткого вступительного слова председательствовавшего т. Юдина присутствующие почтили память скончавшегося товарища вставанием. Речи были произнесены т. Даном, очертившим общий идейно-политический облик Зборовского, как блестящего представителя героической эпохи меньшевистского подполья, и т. Гарви, подробно характеризовавшим личность и деятельность покойного.

В КРЕМАТОРИИ.

Сожжение тела М. С. Зборовского состоялось в субботу 2 февраля в 3 часа дня в крематории кладбища Пэр-Лашэз. Вся Парижская группа содействия партии и много личных друзей и знакомых Зборовского собрались в траурном зале. Явилась также группа еврейских-рабочих эмигрантов, в том числе некоторые троцкисты и коммунисты, пожелавшие почтить в лице Зборовского общее героическое прошлое. На гроб были возложены венки от Заграничной Делегации партии и Бунда и Парижской группы содействия партии, от ближайших личных друзей почившего, от родных. Речи, посвященные памяти Зборовского, были произнесены тт. Даном и Гарви. Редакция «Попюлэр», поместившего портрет Зборовского и большую статью-некролог о нем т. Дана, была представлена генеральным секретарем редакции, т. О. Розенфельдом.

ПРЯМОЕ, РАВНОЕ, ТАЙНОЕ...

Забывшие, более того — тысячекратно ошелюманые и запрещенные слова «четырехвостики» снова входят в честь и становятся официальным политическим лозунгом большевистской диктатуры. Правда, среди этих слов не хватает одного — «всеобщее», того первого члена «четырехвостики», который означал распространение избирательного права на трудящихся и за который поэтому в течение десятилетий, вплоть до самого октябрьского переворота 1917 года, с особым упорством и страстью боролись обе фракции российской социалдемократии — большевистская не менее настойчиво, чем меньшевистская. Но, если в основу надления избирательными правами будет положена та статистика классового состава населения, которую дал в своем докладе 7-му Всесоюзному Съезду Молотов, то выпадение этого слова нарушает, быть может, политическую эстетику нового лозунга, но никакого практического значения не имеет. Ведь той «буржуазии (помещики, крупная и мелкая городская буржуазия, торговцы и кулаки)», которая, по советской конституции, только и остается за пределами «легальной страны», насчитывается вместе с малолетними членами семей, всего на всего 174 тысячи душ, какихнибудь 0,1% населения! Нет в мире такой демократической конституции, которая не лишала бы права голоса — по половому, по искусственно повышаемому возрастному или по социальному (военно-служащие, призываемые и т. д.) признаку — значительно больший процент населения, иногда превышающий половину его. И если это обстоятельство не мешает считать страны таких конституций странами «всеобщего» избирательного пра-

ва, то тем менее оснований отказывать в признании фактической всеобщности избирательному праву советскому — на том только основании, что, в отличие от всех других систем, оно допускает ограничения по признаку, подчеркивающему (как мы видели, впрочем, сейчас почти лишь символически: одна десятая процента!), превосходство труда над имуществом. На деле советское избирательное право является во всяком случае не менее «всеобщим», чем избирательное право любой другой страны — даже если бы известное число «лишенцев» и скрывалось в той группе «прочие», куда, надо полагать, вместе с армией и учащимися, втиснуты «принудработники», ссыльные и прочий неблагонадежный элемент. Если бы оно и впрямь стало «прямым, равным и тайным», то это, конечно, не уничтожило бы самого принципа советской системы, ибо избирательные коллегии по прежнему формировались бы по признаку не территориальному, а производственному и социально-корпоративному (армия, домашние хозяйки и т. п.); но это означало бы гигантский шаг в направлении той демократизации этой системы, которой неустанно требовала и требует наша партия, в которой она видит основное условие успешной борьбы рабочего класса за предотвращение контр-революционного срыва русской революции и за продвижение ее в общие рамки мирового революционного процесса, подготовляющего решительное столкновение между буржуазией и пролетариатом, между системой мирового капитализма и системой социализма.

Но, чтобы «прямое, равное, тайное (закрытое, как

ПАМЯТИ СТАРОГО ПОДПОЛЬЩИКА

М. С. ЗБОРОВСКИЙ

Еще один голос умолк на братской переключке. Смерть вырвала из нашего тесного круга одного из старейших деятелей российской социалдемократии, Михаила Соломоновича Зборовского. Затяжная тяжелая болезнь сердца, начатая в годы нечеловеческого напряжения в революционной работе, безвременно свела в могилу бывшего силача-красавца, человека железного здоровья, исключительной выносливости, неутомимой энергии.

Среднего роста, крепкого сложения, с яркими губами и горячими, пронзительными глазами, с шапкой темных волос на голове и мягкой бородой вокруг энергичного, подвижного лица — Зборовский в годы своей революционной молодости казался воплощением жизненной силы и кипучей активности. И не верится, что потух огонь этих острых и вместе добрых глаз, что навеки умолк характерный певучий южный говор старого друга и соратника...

Зборовский — это кусок героического прошлого нашей партии. Это яркая страница нашей революционной истории. Это едва ли не самая красочная фигура нашего старого подполья.

Его имя тесно связано с первым петербургским советом рабочих депутатов, инициатором, организатором и первым председателем которого он был. Случайно ли? Нет, не случайно! Революционная волна нередко выносит на поверхность героев на час, иной раз авантюристов и честолюбцев. На весеннем солнцепеке первой русской революции тоже толклись политические мухи

— поденки. Но Зборовский сыграл историческую роль не как революционный выскочка, не как баловень революционного «счастья».

Революция 1905 г. была, конечно, в основе стихийным процессом. Достаточно напомнить пронесшиеся по всему югу России, точно лесной пожар, всеобщие стачки лета 1903 г. и «кровавое воскресенье» 9-го января 1905 г. в Петербурге. Но одновременно эту первую революцию сознательно и планомерно готовили и к ней издавна готовились революционные партии. В этом многолетнем и трудном процессе приготовления первой русской революции в глубоком подполье виднейшую роль сыграл М. С. Зборовский. Его нелегальные клички: «Яков», «Федор», «Кузьма», «Иван», «Афанасий», «Никитин», это не только смена городов, в которых он работал с 1898 по 1905 г. — Одесса, Ростов, Киев, Екатеринослав, Петербург, — это вместе с тем и последовательные этапы в развитии социалдемократической партии и рабочего движения России, вынесшего его в конце концов на аванпост революции — на место первого председателя первого рабочего парламента в мире.

Юношей 19-ти лет Зборовский в 1898 г. прямо со школьной скамьи окупился в революционное подполье. Как многие люди нашего поколения. Конечно! Но это было не так то просто и не так легко. Много морально-революционного ригоризма обнаружили социалисты — выходцы из командующих классов, «кающиеся дворяне», отряхая прах от старого мира, порывая со знат-

говорит постановление пленума ЦК)» действительно имело значение, того решительного поворота к демократизации режима, который наша партия имела бы основание горячо и безоговорочно приветствовать, надо, прежде всего, чтобы существовало подлинное избирательное право, т. е. чтобы подающий голос имел возможность сознательного и обдуманного выбора между мнениями, направлениями, партиями, кандидатами, и чтобы самый акт выборов был не простой формальностью подачи избирательного бюллетеня, а осуществлением серьезного политического права — права своим голосом и через избранных представителей влиять на состав правительства, определять направление его политики, контролировать его деятельность. Вне этих условий, при политическом всевластии диктаторского правительства, еще во сто крат усиливаемом его экономическим всевластием, при монополии этого правительства на организацию, на собрания, на устное и печатное слово, — и самое совершенное формально избирательное право легко становится орудием плебисцитарной комедии, перед новейшими, итальянскими и германскими образцами которой детской игрой кажутся неуклюжие попытки ее изобретателя и творца, Наполеона III.

Однако, до сих пор ничто еще не дает основания думать, что большевистская диктатура задумала в таком, серьезном смысле «демократизировать избирательную систему», как выражается постановление пленума. Все ее акты последнего времени свидетельствуют как будто об обратном. Не только нет никаких признаков ослабления политического гнета, тяготеющего над массами, или раскрепощения слова, печати, организаций, но, наоборот, всякое инакомыслие преследуется и искореняется с рекордной настойчивостью и жестокостью. Не только нет и намека на легализацию каких-либо иных

партий, но и в самой коммунистической партии, вслед за расправой с вождями оппозиции, идет псовая охота на самонаименные уклоны и на самонаименный «гнилой либерализм» к этим уклонам. Обожествление Сталина дошло до таких пределов, что никто не решается уже мыслить вслух иначе, как точными цитатами из его произведений. Где уж тут говорить о свободном выборе избирателя, которому и выбирать-то не из чего, который вынужден читать лишь монопольную правительственную печать, слушать лишь монопольную правительственную агитацию, видеть лишь монопольного правительственного кандидата?

О том-же, насколько в намерения большевистской диктатуры входит превращение избирательного права в то серьезное политическое право, о котором говорится выше, лучше всего свидетельствует самый порядок возведения новой, столь коренной по внешнему виду, реформы. Заседает Всесоюзный Съезд Советов, по конституции верховный и суверенный орган законодательства и управления. Делает политический доклад председателю Всесоюзного Совнаркома, по конституции высшее должностное лицо советской республики. Два дня идут прения по этому докладу, в итоге которых съезд единогласно, «целиком и полностью», одобряет доклад, и всю «внешнюю и внутреннюю политику и практическую деятельность Правительства СССР». Ни в докладе, ни в прениях, ни в резолюции съезда нет и намека на радикальное изменение системы и порядка выборов. Иностранное агентство сообщило, правда, задним числом, будто один из выступавших на съезде ораторов из средне-азиатских республик упомянул о возможности перехода в будущем от открытых выборов к тайным. Но самый тщательный просмотр речей в советских газетах не позволяет обнаружить и следа этих крамольных слов. Если они и были

ностью, с богатством, с «высшей» средой, с семьей, чтобы пойти в революцию, «в народ». Но разве душевная коллизия, которую на моих глазах пережил — один из многих — Зборовский, была меньшей силы? Как сейчас вижу жалкую табачную лавченку на Мало-Арнаутской улице в Одессе, его изможденных нуждой, заботами и болезнями стариков, типичных представителей бедствующего еврейского мешанства «черты». На последние гроши, урезывая себя — и детей — во всем, они дали сыну возможность получить образование в коммерческом училище. И вот надежда семьи, ее будущий кормилец, не бросает семьи, нет, но уходит с головой в революцию, отдавая ей все время, все силы. После двух-трех лет партийной работы Зборовский не вынес зрелища семейной нужды и весной 1901 г. уехал в Кривой Рог на службу бухгалтером. Через несколько месяцев не выдержал, однако, вернулся. Придя как-то ко мне, застал за печатанием прокламации на самодельном мимеографе. Молча отстранил меня, закончил печатание — и вернулся к партийной работе, чтобы уже не отрываться от нее — до того момента, как ссылка на поселение, побег и эмиграция оторвали его и от революционного дела, и от бедствующей семьи. Кстати, боготворившей своего Миню. Между долгом коммуниста семьи и долгом революционера и социалиста выбор был сделан — но какой ценой!

Зборовский вошел в партийную работу в переломный период в истории социалдемократического и всего русского рабочего движения. Это было время перехвата от «чистой» пропаганды идей социализма в кружках передовых рабочих с целью «выработки элементов бу-

дущей рабочей партии» (формулировка П. Б. Аксельрода) к «агитации на почве конкретных нужд и потребностей рабочего класса», как тогда выражались, иными словами, переход от кружковой работы к работе в массах. Этот прорыв марксистов к массам, эти первые систематические попытки соединения социализма с рабочим движением, эти настойчивые усилия вовлечь русский пролетариат в освободительную борьбу не под лозунгом «рабочие для революции», как во времена народолюбства, а под лозунгом «революция для рабочих», потребовали усиления размаха партийной деятельности, перестройки ее организационных форм, изменения приемов пропаганды, выработки методов массовой агитации, намечения первых основ партийной тактики для руководства классово-борьбой еще только пробуждающегося пролетариата. Обслуживание с.-д. работы на этом этапе движения требовало, в частности, расширения технического аппарата, усиления транспорта нелегальной литературы из-за границы, налаживания печатания листовок и местных изданий в самой России, аппарата междугородской связи и т. д. Сама революционная конспирация приобрела в новых условиях новые формы.

Односторонний характер массовой работы привел на первых порах к крайностям «экономизма», к отодвиганию систематической политической агитации и борьбы на вторую очередь («теория стадий»). Такие «перегибы» наблюдались на первых порах и в одесской организации и были изжиты лишь в 1900-1901 г.г. Но в целом движение проделало с начала 90-х годов огромный шаг вперед — из пропагандистских кружков выросла в подполье массовая партия, вернее, партия революционной мобилизации масс.

Зборовский в этом новом, осложненном подполье ока-

произнесены, — правительственная цензура вычеркнула их, как явно «недозволенные». Ибо вплоть до 31 января, дня принятия с'ездом резолюции по докладу Молотова, мысль о тайном голосовании считалась столь крамольной и «социал-предательской», что даже робко бросивший ее некогда в оборот Троцкий поспешил трусливым замалчиванием покрыть этот грех своей оппозиционной юности. И совершенно неожиданно, на следующий день после принятия с'ездом политической резолюции собирается Пленум ЦК ВКП и поручает тому-же Молотову внести на с'езд предложение об изменении избирательной системы в направлении — не только тайного, но еще прямого и равного... С'езд ставит перед совершившимся фактом. Великая реформа сваливается ему, как снег на голову. И, как сообщают телеграммы, с'езд принимает этот неожиданный подарок единогласно и даже без прений, так-же единогласно, так же целиком и полностью одобряет новый доклад Молотова, как он одобрил его старый доклад, в котором о коренной реформе не было ни полслова. Этим все сказано о тех подлинных политических правах, которые диктатура предоставляет верховному законодательному органу советской страны и его будущим избирателям...

Пока таким образом ничто не позволяет думать, что возвещенная реформа будет иметь своим непосредственным и немедленным результатом тот коренной перелом в сторону демократизации советского режима, который она должна была бы иметь, если бы была задумана и проведена с полной серьезностью. И это тем более, что остается еще совершенно невыясненным, когда получит она первое практическое применение, т. е. когда состоятся те советские выборы, для которых она предназначается. От первоначального ежегодного с'езда советов конституция перешла к двухгодичному. На

самом деле между 6 и нынешним 7 Всесоюзным С'ездом прошло почти четыре года. И никто не может сейчас сказать, через сколько именно лет соберется следующий с'езд или состоятся следующие выборы местных советов. Да и вообще, вся конкретная разработка реформы еще впереди. Сейчас провозглашен лишь ее принцип.

Но чем труднее ожидать непосредственного практического воздействия реформы на политический строй Советского Союза, чем больше приходится придавать ей пока что лишь значение демонстративного, символического жеста, тем настойчивее встает вопрос: что же побудило советское правительство в таком внезапном и чрезвычайном порядке и в такой, идущей в разрез со всей его традицией и всей его практикой, форме продемонстрировать свое «доверие» народу и свое «единение» с ним? Сыграли-ли тут роль внешне-политические соображения — обострение положения на Дальнем Востоке вследствие продвижения японцев в Монголию и, в связи с этим, желание показать в форме, идейно-политически наиболее убедительной и для врагов, и для возможных союзников, уверенность советского правительства в своей прочности и в возможности рассчитывать при всех обстоятельствах на безоговорочную поддержку широчайших народных масс? Или основным рычагом послужили в данном случае соображения внутренней политики, связанные со всеми последними событиями и, быть может, получившие новые, хотя и тщательно скрытые от внешнего мира, стимулы на Советском С'езде, чем и объяснялась бы непонятная иначе внезапность и чрезвычайный характер жеста? И какой политический смысл вкладывает в этом случае советское правительство в свой жест: хочет-ли оно компартию, в которой, вопреки оглушительно громким словословиям Сталину, неудержимо нарастает оппозиция единоличному режиму, запугать перспективой перене-

зался, как редко кто, на месте. В области конспирации ему не было равного не только в Одессе, но, пожалуй, и во всей партии. Он сделал из конспирации, призванной охранять уж не только узкий аппарат пропагандистских кружков, но и первые зачатки сравнительно массовых форм рабочей самостоятельности (цеховые «кассы», «массовки» и т. п.), настоящую прикладную науку. Он воспитал целое поколение отличных конспиративных работников. Он создал, можно сказать, школу конспирации.

Зборовский знал в лицо десятки шпииков, изучил все приемы и методы слежки, как никто умел замечать следы, устраивать контр-слежку, маскировать подпольные предприятия. Он был мастером по части устройства подпольных типографий, работавших иногда, как напр., в Киеве в конце 1904 — начале 1905, с исправностью и быстротой хороших легальных типографий. Он проявлял чудеса находчивости, изобретательности, ловкости в конспиративной работе. Это был настоящий виртуоз, Паганини конспирации. О его конспиративных талантах и подвигах слагались легенды. Помню, как В. И. Засулич любила слушать рассказы о конспиративных проделках Зборовского. Он не раз и не два чудом избегал провала, бегал из под ареста, выпутывался из силков вездесущей охраны*). Не раз и не два — мно-

жество раз — он спасал от провала целые организации и отдельных товарищей.

В Екатеринославе в 1905 г. Зборовский был как то арестован вместе с массовой. В участке, куда всех привели, начали по списку освобождать прямо со двора «массовых рабочих», как тогда выражались. Зборовский был единственным нелегальным. Когда назвали фамилию одного рабочего, тот по уговору не отозвался, а вместо него вышел из рядов Зборовский и спокойно ушел. В другой раз, в Екатеринославе-же Зборовский был арестован на собрании в квартире. Дело было ночью. Когда арестованных выводили, на крыльце дома произошла, конечно, условленная тут же, «заминка». Зборовский в мгновение ока незаметно опустился и вытянулся вдоль затененной ступени, со стороны, противоположной той, куда полицейские направляли выходящих арестованных. В том же Екатеринославе Зборовский во время ареста собрания успел вбежать с товарищем в соседнюю комнату хозяев и спрятаться в большой платяной шкаф. Полиция ушла, но один из околочных вернулся, вспомнив, что комната хозяев квартиры не была обыскана. Зборовский с товарищем с шумом выскочили из шкафа и, на смерть напугав полицейского, скрылись. В начале апреля 1905 года я столкнулся со Зборовским в Екатеринославском участке, куда меня привели после провала Комитета. Вот какую картину я застал на утро: Дежурный городской сидел за полштофом в своей каморке. Все камеры, кроме камер уголовных, были открыты. **Ключи были у Зборовского.** На стреме, у окна коридора, куда все мы высыпали, стоял один из товарищей. Когда в другом конце двора показывалось начальство. Зборовский командовал: «Все по камерам!», закрывал все двери, вытаскивал дежурного городского, поправлял на нем тесак, шапку, пояс, револьвер: «Теперь запри и меня, да смотри твердо стой на ногах, не дыши в лицо начальства винным перегаром». Нечего прибавлять, что городские пропускали во вечерам к Зборовскому нелегальных посетителей, поддерживавших нашу связь с организацией. Только благодаря этому нам удалось из участка наметить новый состав Комитета и передать ему «связи», технику и пр. — По Москве во время своих наездов Зборовский ходил в суконном картузе и для отвода глаз истово крестился перед каждой церковью.

*) Зборовского, после ареста на улице в Одессе 8 февраля 1902 г., привели в жандармское управление и усадили в приемной, где дожидались просители — матери и сестры заключенных. Сев на скамью рядом с жандармом, Зборовский на еврейском языке обратился к окружающим: «Хотите спасти еврея? Унесите отсюда то, что найдете под скамьей». Когда Зборовского позвали и жандарм его увел, одна из просительниц, кажется мать Леонида Рузера, подняла незаметно опущенные Зборовским бумаги и отнесла их сестре последнего.

сения «главной опоры» на беспартийные массы? Или же, в предвидении неизбежного роста недовольства в рабочих массах и вероятных попыток выразить это недовольство в организованном движении, оно, провозглашая «равноправие» крестьянства, подготавливает себе возможность опереться при случае на этот, гораздо более доступный «плебисцитарной» обработке, социальный слой против пролетариата? — Ближайшее будущее даст ответ на все эти вопросы: сейчас конкретных материалов для такого ответа еще нет.

Но, чем бы ни руководилось советское правительство, делая свой жест; какой бы исключительно демонстративный характер этот жест ни носил; и как бы мало ни было его непосредственное воздействие на весь политический строй Советского Союза; — его практически-политическое значение будет все-же огромным. Пусть лишь символически, но все-же провозглашены и реабилитированы принципы той самой «формальной демократии», которые с октября 1917 г. противопоставлялись принципам «демократии советской» и были объявлены адским измышлением буржуазии, лишь ей в угоду подхваченным «социал-предателями», и прежде всего — принцип тайны голосования, символизирующий право гражданина на свободное политическое самоопределение. Тем самым пробита зияющая брешь во всей той системе политической идеологии, которою режим террористической диктатуры пользовался и пользуется, как сильнейшим духовным орудием своего самосохранения и укрепления. Если свобода самоопределения признана, хотя бы в принципе, для советских выборов, которые наступят, может быть, через 4, может быть, через 5 лет, то ничем, кроме голого насилия, вызывающего сопротивление, не может быть задержано распространение этого принципа на те выборы в профсоюзных, ко-

оперативных, культурных, колхозных и, наконец, партийных организациях, которые происходят изо дня в день.

Но, подрывая политико-идеологические устои террористически-диктаторского режима, провозглашение принципов политической демократии создает и для практической борьбы трудящихся масс то, что П. Б. Аксельрод называл «защепки». Оно и в оболочке диктаторского режима создает почву для формирования оппозиции. Если эта оппозиция и лишена еще права сплываться вокруг программы и личности кандидата противопоставляемых программе и кандидатам правительства, то, при тайне голосования, ничто не может помешать ей перекликаться, считать и сплываться свои силы и выражать свое неодобрение неугодной ей политике правительства теми черняками, которыми она будет забрасывать навязываемых ей агентов его: примитивная форма пассивного и неорганизованного политического сопротивления, но в то же время и почва для возникновения более организованных и программно-определенных форм политической борьбы!

Если только объявленной реформе не суждено отцвети, не расцвести, то в Сталинском террористически-диктаторском режиме впервые создается почва для организации массовой борьбы за действительное, а не мнимое реформирование этого режима, за его подлинную, а не символическую лишь демократизацию. Социалдемократия должна воспользоваться этой почвой, чтобы работать над организацией рабочего класса и над сплочением его для борьбы за осуществление той платформы ее, которая является единственным путем к спасению русской революции, к ограждению интересов российского пролетариата и к служению делу социалистического освобождения мирового рабочего класса.

Ф. Дан.

Наиболее ярким примером его конспиративного таланта была организация знаменитого побега политического руководителя восстания на «Потемкине», меньшевика К. Фельдмана. Захваченный при высадке лодки с «Потемкина» в Феодосии, К. Фельдман был предан военному суду, от которого можно было ожидать только смертного приговора. Командующий Черноморским флотом посадил К. Фельдмана в военную тюрьму, приняв чрезвычайные меры к его охране. Спасение Фельдмана стало делом чести партийной организации. Севастопольский комитет меньшевиков решил, что только один человек может организовать побег с шансами на успех — Зборовский. Его нашли в Киеве, и он немедленно помчался в Севастополь, где взял дело всецело в свои руки. Ему удалось завязать связи со стражей, кого слагитировать, кого подкупить. К. Фельдмана, переодетого в солдатскую одежду, вывел из тюрьмы, как якобы сменившегося часового, старшой, положивший на место арестанта чуело. Через два часа ушел и настоящий часовой, стоявший у двери камеры Фельдмана и участвовавший в заговоре. Бешенству властей не было предела. Город был объявлен на военном положении. Но поиски не дали результатов. Беглец был за пределами досягаемости. Зборовский через несколько дней оставил Севастополь и направился в Петербург.

Но Зборовский был не только виртуозом конспирации. Он был талантливейшим организатором. В городах, где он работал, бывали товарищи более крупного политического калибра, более ярких дарований, теоретически несравненно более Зборовского подготовленные. Но везде оказывался «хозяином» организа-

ции Зборовский, везде он сосредоточивал все нити — техники, пропаганды, агитации — в своих руках, везде он являлся душой, «мотором» всей партийной работы. Его часто называли «деспотом» — за придирчивую требовательность, за непреклонность в вопросах дисциплины и добросовестного выполнения партийных обязанностей. Он умел — и любил — все «сам делать», не чуждая самой мелкой и черной работы, и требовал того же от всех. Как и знаменитого «дворника» народо-вольцев, А. Михайлова, Зборовского побаивались, иной раз поругивали, но неизменно слушались и любили.

«Завязывание связей», особенно в «трудных» предприятиях с нетронутой рабочей массой, было специальностью Зборовского. Он был весь повернут к рабочим. Техника, организация, партийное строительство были для него любимым делом, но не самоцелью. Целью было пробуждение рабочих от векового сна, поднятие целины рабочего движения, развитие классового сознания и самостоятельности рабочих хотя бы в гесных рамках подполья. Как никто, Зборовский умел подойти к рядовому рабочему, быть может, потому, что по складу своего ума, по некоторой примитивности и непосредственности природы, по перевесу эмоциональных моментов над чистой «умственностью» в своей психике, даже по внешнему облику он был ближе к рабочим. При этом Зборовский обнаруживал настоящий дар мимикрии. С кузнецами он был заправским кузнецом, с малярами маляром, с каменотесами каменотесом; с портовыми рабочими «биндюжником» — для всех них он был «своим».

Вот почему Зборовский пользовался исключительной популярностью как пропагандист и как агитатор. На его кружках для занятий рабочие и после

РАСПРАВА С ОПОЗИЦИЕЙ

Каждый этап в политике коммунистической партии неизменно сопровождался разгромом какой-нибудь оппозиции. Сквозь тучи словесной брани и самого беззастенчивого личного ошельмования противника, которыми всякий раз сопровождалась такая «кампания», всегда можно было без труда охватить политический предмет распри.

Напротив, в нынешней расправе поражает прежде всего то, что она производится как будто не с какой-нибудь новой оппозицией, созревшей на почве противоречий генеральной линии, а с «остатками зиновьевско-троцкистской оппозиции», политически оформившейся в рамках нэпа. Но ведь эти остатки старой «левой оппозиции» давно уже и многократно покалялись, идейно «разоружились» и восстановлены в правах членов партии? Да и помимо этого: ведь генеральная линия — в этом сходятся ее сторонники и противники — социологически знаменует собой гигантский переворот, в результате которого радикально было перетасовано все советское общество? Каким же образом оказалось возможным, что в этом грандиозном социальном калейдоскопе сохранилась оппозиция, возникшая на совершенно иной социально-политической канве? Второй особенностью нынешней расправы является попытка власти всемерно затемнить политический предмет спора: из теперешней оппозиции создается какое-то огородное чучело, на которое навешиваются лохмотья и обрывки из программ и высказываний разных оппозиций. Все это наводит на мысль, что «остатки зиновьевско-троцкистской оппозиции», которым объявлена война на истребление, являются только псевдонимом, что под этим прикры-

тием идет расправа не столько со сложившимся уже течением, сколько с ростками какой-то еще только нарождающейся оппозиции. Чтобы разобраться в истинных мотивах новой кампании, надо прежде всего выяснить, кто является жертвами расправы и в чем они обвиняются.

За 2 месяца, прошедших со времени убийства Кирова, оппозиционеры обнаружены почти во всех крупных городах. В одной только «Правде» за это время мы насчитали сообщения из 18 городов. При этом тут же надо отметить, что в общем и целом «чистыми» от оппозиции оказались государственные аппарат власти и заводы. Только в Ленинграде, и как раз на Кировском заводе (б. «Красный Путиловец»), обнаружены 3 бывших «зиновьевца». В советском аппарате «гнездо» бывших «троцкистов» обнаружено только в Наркомземе, да и то эти «оппозиционеры» политически себя ничем, кроме «бытовой дружбы» друг с другом, да присутствия на похоронах бывшего личного секретаря Зиновьева, не скомпрометировали. Нескольким серьезнее обстоит дело лишь с Голендо, председателем Госплана и зам. председателя Совнаркома Белоруссии, который, по словам «Правды» (11 января), «значение отмены карточной системы толковал на троцкистский лад», как следствие «бессилия партии в борьбе против кулацкой стихии».

Чем больше вчитываешься в материалы этой кампании, тем больше убеждаешься в том, что главный удар диктатуры направлен на провинциальный партийный аппарат и высшую школу. Приведем наиболее характерные

12-ти и даже 15-тичасового рабочего дня не томились, не скучали, как нередко случалось на кружках весьма внающих пропагандистов. Зборовский, возможно, упрощал излагаемое, добавлял отсебятины, когда знаний не хватало, но всегда говорил живо, образно, интересно и, главное, доступно для рабочих, даже самых серых. Вот почему в ряде городов Зборовский стоял во главе «пропагандистских коллегий», направляя пропаганду и следя за ее ведением. В самый разгар занятий на кружке слышится бывало условный стук в стену, шопот с хозяйном квартиры в передней, потом быстрый взгляд «щипковских» глаз Зборовского из чуть приоткрытой двери: это он в свободное время обегал чужие «кружки», чтобы проверить, «чисто» ли снаружи, как ведется «кружок», не скучают ли слушатели, не мямлит ли пропагандист, втягивает ли он рабочих в беседу? Когда начались «массовки» — в каменоломнях ли под Одессой, на степных ли курганах под Ростовом или в лесах под Киевом — на которые собирались десятки, а потом и сотни рабочих, еще только вовлекаемых в движение, Зборовский стал любимым оратором, грубоватым по тону, но сильным, острым и убедительным.

Переход от преобладания «экономики» к господству «политики» в работе с.-д-тии совершался тем временем в атмосфере общего подъема рабочего движения. Стачки принимали все более упорный и острый характер. Экономический кризис усиливал массовое недовольство. Неизменное вмешательство властей и полиции в борьбу рабочих с предпринимателями вызывало растущее раздражение в рабочей массе. Студенческие волнения создавали заразительную атмосферу политического брожения. Нота политической агитации все усиливалась в партийной работе. Этим заострением партийной деятельности в сторону политики диктовалась и потреб-

ность перехода от партийного «кустарничества» к централизации. Задачу партийного объединения в областном масштабе, как этапа на пути к всероссийскому объединению, взяла на себя в 1901 г. группа «Южного Рабочего»*), занимавшая среднюю и примирительную позицию между заграничными антиподами — «Рабочим Делом» и «Искрой». В конце декабря 1901 г. в Елизаветграде состоялся нелегальный «Съезд южных Комитетов и Организаций РСДРП», делегатами на котором от Одесского Комитета были Зборовский и пишущий эти строки. На съезде Зборовский поддерживал все выступления против наметившейся было в то время тенденции к увлечению «защитным» террором и против интеллигентского пренебрежения к экономической борьбе рабочих, как к «низшей» форме движения.

В это время начались в ряде городов попытки устройства демонстраций. Революция выходила на улицу. И в Одессе, в связи с годовщиной освобождения крестьян, решено было 19 февраля 1902 г. устроить рабочую демонстрацию под лозунгом «Долой самодержавие!» Зборовский со всем пылом бросается в работу по подготовке первой рабочей демонстрации. 8 февраля 1902 года он был схвачен на улице. В этот день последовал массовый провал всех революционных организаций. 12 февраля был арестован с красным знаменем, призывными листками и пр. партийный Комитет в полном составе. На допросах жандармы со злорадством говорили: «Интеллигентскую головку мы целиком сняли — демонстрации не будет». Но демонстрация состоялась — силами одних рабочих! Годы подготовительной работы, в которую вложилась со всей энергией и Зборовский, да-

*) Левин, А. М. Гинзбург, Б. С. Цетлин-Батурский, А. К. Ерманский.

случаи: Вот гнездо контр-революции обнаружено в Астрахани («Правда», 19 января). Заведующий музеем революции в Астрахани, Сафаров, 2-го декабря передал редакции газеты «Коммунист» для опубликования стенограмму речи, которая якобы была произнесена Кировым в бытность его в Астрахани. Когда стали готовить текст этой речи для передачи по телеграфу в «Правду», «оказалось» (!), что эта речь вовсе не Кирова, а «врага партии», Зиновьева. Но этого мало: Сафаров распространял «троцкистскую брошюру» «Молодежь в первой революции», выпущенную в 1925 году Астраханским Истмолом. Брошюра продавалась посетителям музея, она же рекомендовалась парткабинетом горкома партии, как «ценное пособие», а заместитель секретаря горкома ВЛКСМ Малюгин даже «пустил брошюру в школах комсомольского просвещения и усиленно рекомендовал ее активу». Но астраханские крамольники не ограничились преступным распространением никем до тех пор не опорооченной брошюры. «Некоторые руководители комсомола держали связь с троцкистами», выразившуюся в том, что секретарь горкома ВЛКСМ Апочанов «раздавал денежные пособия троцкистам, высланным в Астрахань». Это уже явная угроза «диктатуре пролетариата» и всем завоеваниям революции! Виновных постигнет, конечно, заслуженная кара.

Более искусно «враг» работает в Вологде («Правда» 4-го января). 21-го декабря здесь состоялся доклад редактора местной газеты «Красный Север» на тему «Сталин, партия и социалистическое строительство». Докладчик «не счел нужным сказать хотя бы одно слово относительно убийства Кирова, будто бы этого события не было совсем. Не сказал он ничего и о предательской роли бывшей зиновьевской контр-революци-

онной группы и ее вождей на всех решающих этапах революции». Вот полный состав преступления и на-лицо. Но вот одна интересная черта: и в этом, как и в астраханском случае, «Правда» особенно энергично берет под обстрел местный партком, не проявивший достаточной решительности в борьбе с крамолью. Невольно у читателя складывается впечатление, что прегрешение астраханского хранителя музея и вологодского редактора для центрального органа партии почти — лишь повод для энергичного натиска на руководящий местный аппарат, еще недостаточно осознавший великие задачи политики «бдительности».

«События» в Днепропетровске иллюстрируют это еще ярче. Двое профессоров Днепропетровского университета оказались «скрытыми националистами» и были исключены из партии. За них заступилась бывшая троцкистка, проректор университета, Ягнетинская. Один из крамольных профессоров был даже восстановлен горкомом в правах члена партии «без единого замечания»; повидимому, «национал-оппортунизм» злополучных профессоров носил довольно-таки невинный характер. Но тут началась кампания против Ягнетинской, инициатором которой явился корреспондент «Правды» Котляров. За Ягнетинскую заступился ряд руководящих работников горкома, из которых почти никто ни в каких оппозициях никогда не числился. Заступничество за Я. им дорого обошлось. Машина заработала во-всю: обком осудил горком за бесхребетность; но ЦК компартии Украины осудил уже и обком за «смазывание грубейших политических ошибок». Исключения из партии, выговоры, снятие с постов посылались как из рога изобилия. Порядок был восстановлен.

Та же картина разоблачения не столько «оппозиционеров», сколько «гнилого либерализма» парткомов в целом ряде других мест. Подтягивание местного руко-

ли свои плоды. Народился самостоятельный активный рабочий авангард.

Зборовский, успевший, благодаря исключительной находчивости, в стенах самого жандармского управления освободиться от уличавшего его груза нелегальщины (см. выше), отделался на этот раз несколькими месяцами тюрьмы. На воле пришлось заняться «заполнением прорыва», восстановлением и объединением незадолго до того расколовшейся одесской организации. От объединенной одесской организации Зборовский — вместе с «Землячкой» — избирается на второй съезд партии летом 1903 г., на котором произошел исторический раскол на большевиков и меньшевиков. На съезде он выступал под именем «Костич».

Зборовский естественно оказался в рядах меньшевиков — с Аксельродом, Мартовым и Потресовым, а позднее и Плехановым. Бланкистское отношение к рабочему классу, как к «готовой к повиновению массе», политический якобинизм и организационный бонапартизм Ленина были ему органически чужды. Вернувшись в Россию, в родную стихию революционного подполья, Зборовский с новой силой и страстью отдается партийной работе. То была пора тяжелой междоусобной борьбы внутри социалдемократии в атмосфере надвигавшейся уже революционной грозы. Фракционная борьба — «завоевание комитетов» — принимала подчас отвратительные формы, но в глазах Зборовского, как и всех меньшевиков, она имела историческое оправдание: дело шло ведь о том, чтобы дать отпор анархо-бланкизму, чтобы уже в ходе закипающей революции заложить основы политической самостоя-

тельности и классовой самостоятельности русского пролетариата. Заговорщической технической подготовкой революции «по Ленину» меньшевики противопоставляли политическую подготовку пролетариата к революции методом политических кампаний («земская кампания» и т. п.). Модной после 9 января идее «революционного временного правительства», прикрывавшей у большевиков идею захвата власти, меньшевики противопоставили идею революционного самоуправления народа и политической самостоятельности рабочего класса. Идеи «народной думы», «рабочего съезда», «революционного самоуправления» носились в воздухе, особенно, после 9 января, в частности, после опыта выборов от рабочих в «комиссию Шидловского»^{*)}.

В духе этих идей Зборовский, вместе со всей «Петербургской Группой» меньшевиков, развил бешеную агитационную работу с первых же дней всеобщей октябрьской забастовки. Кричащее несоответствие между стремительным ростом политического влияния с.-д.-тии на рабочий класс и ничтожной организационной ее связанностью с массами стало в момент революционного подъема нестерпимым. Зборовский, перешедший с митинга на митинг, чувствующий, как никто, чем дышат всколыхнувшиеся рабочие массы, со-

*) Южно-русская конференция меньшевиков, собравшаяся в Киеве в августе 1905 г., накануне революционного взрыва, прошла целиком под знаком этих «аксельродовских» идей Зборовский и член меньшевистского О. К. «Рыбак» (Тарасевич) проявили на ней особую настойчивость в выработке резолюций о новых формах рабочей самостоятельности и массовой организации в обстановке революционного натиска на самодержавие. Решения южной конференции сыграли большую роль в тактике меньшевиков в октябрьские дни пятого года.

водящего партийного аппарата, хобя бы и ценой дискредитирования ряда руководящих работников и даже целых горкомов и обкомов, развертывается по всей линии. Вспоминаются старые грехи, перетряхиваются архивы, дело доходит иногда до трагикомизма, вроде исключения из партии секретаря Херсонского горкома ВЛКСМ, единственное конкретное обвинение против которого свелось в сущности к тому, что он семь лет назад (!), в 1927 году, «голосовал против исключения троцкистов из партии» («Правда» 15-го января). Курс взят действительно решительно и твердо.

Но есть одна область, в которой проведение новейшей идеологической политики наталкивается на особые трудности. Это высшая школа и особенно преподавание в ней общественных наук. Преподаватели общественных наук, пытающиеся привести в систему коммунистические взгляды, на каждом шагу подвергаются опасности вступить в столкновение со складывающейся новой идеологией и, конечно, пасть в «троцкистский уклон». Судьба этих преподавателей подлинно незавидна. Вот преподаватель Высшей коммунистической сельско-хозяйственной школы в Курске, Ладыженский, выбросил будто бы из курса экономической политики «вопрос о колхозах, об организационно-хозяйственном укреплении их, о превращении колхозов в большевистские, а колхозников в зажиточные» и т. д. Ассистент Ладыженского «не сигнализировал о троцкистских извращениях», а ректор (теперь уже бывший ректор) школы и проректор со своей стороны «примиренчески» отнеслись к этим фактам. Да и партком и его секретарь «ничего не сделали», чтобы разоблачить эту «клевету на политику партии» («Правда» от 12-го ноября). Само собой понятно, что всех их уже постигла заслуженная кара.

Но вот другой случай: На одной из лекций по истории классовой борьбы на медфакультете в Челябинске преподаватель Пятков выступил будто бы в защиту «заклятых врагов партии и рабочего класса, последышей зиновьевско-троцкистской группировки» («Правда» от 10-го января). «И вот этому греходимцу, рупору контр-революционных настроений, доверяют учить молодежь», задыхаясь от негодования восклицает «Правда». Не лишено комизма, что «троцкистские симпатии» лектора вызвали возмущение только у нескольких беспартийных студентов.

Еще сложнее оказалось дело в Ростове-на-Дону. Там в Высшей сельско-хозяйственной школе назначен был лектором по экономической политике бывший троцкист. В своей вступительной лекции он отрицал будто бы «ленинскую теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую», отрицал социалистический характер Октябрьской революции, утверждал, что «крестьянству Октябрьского ничего не дал, кроме национализации земли» и т. д. «Троцкистский агитпроп читал свою лекцию в течение 2 часов, и никому не пришло в голову остановить его». Но, к счастью, на лекции присутствовал другой, «достаточно выдержанный» преподаватель, и дело получило ход. Партком попытался, правда, от молчаться. Но тут то было. Дело уже спущено на клязунный конвейер, и 26-го декабря публикуется в «Правде» постановление Азовско-Черноморского крайкома об исключении из партии лектора, осуждении ректора, местных парторганов и самого крайкома. Но даже и это постановление встречает в «Правде» суровую оценку, как «запоздалое», «неполное» и т. д.

Страна вступает в новую полосу развития. Компартия ощупью и осторожно намечает новые основы своей идеологии. Этой идеологии в законченной и строй-

знававший, как практик, что для руководства огромным движением в интересах революции и пролетариата необходимо создание массовой, всеохватывающей организации самого пролетариата, выдвинул в меньшевистском комитете идею создания путем выборов от фабрик и заводов «Рабочего Комитета»^{*}). Преодолев некоторые сомнения и колебания товарищей, Зборовский настоял в «Группе» на этой своей идее. Но мало ли идей бросалось в массы в эти «безумные» октябрьские дни? Нужны были бешеная энергия, непреклонная настойчивость, организационный талант и опыт Зборовского-«Афанасия» по Питеру, — чтобы претворить брошенную им и подхваченную рабочими-меньшевиками идею в жизнь. Первое, труднейшее и решающее заседание «Рабочего Комитета» в составе 35-40 человек состоялось 13 октября под председательством Зборовского. На нем был заложен фундамент знаменитого «Петербургского Совета Рабочих Депутатов». Революция получила свой руководящий центр.

Мне лично от петербургских рабочих-меньшевиков пришлось впоследствии не раз слышать сожаление по поводу того, что Зборовский, сорвавший голос на грандиозных митингах октября, отказался от председательствования в пользу Хрусталева-Носаря: Зборовский был с в о й, верный, Хрусталева — баловень революционно-го счастья.

С той же неукротимой энергией, с которой он боролся за создание совета (идея последнего в Петербурге,

как и в Москве, была, кстати, встречена большевиками в штыки, как «зубатовская затея») Зборовский работал в Исп. Комитете СРД. Когда в ноябре 1905 г. на очередь встал вопрос о созыве первого всероссийского съезда Советов, Исп. Комитет отправил Зборовского на юг эмиссаром для подготовки этого, так и не состоявшегося в виду декабрьского разгрома, съезда советов. Первая революция потерпела поражение...

Из подполья на пост председателя Совета Рабочих Депутатов, из совета — на скамью подсудимых. Громкий процесс по делу Исп. Комитета Совета был блестящим завершением его краткой, но бурной истории. Особенно сильное впечатление произвели на суде многочисленные делегации с фабрик и заводов, «свидетельствовавшие», что Совет являлся только органом их воли. Вместе с Троцким, Хрусталевым, Звездиным-Вайнштейном и др. Зборовский получил ссылку на поселение с лишением всех прав. Эпопея-1905 г. закончилась.

**

Сибирская тундра, удачный побег, долгие годы эмиграции, секретарство у Г. В. Плеханова, работа в «группах содействия». И вот через десять лет победа, торжество дела, которому отданы лучшие годы жизни, февральская революция 1917 г.

Зборовский спешит в Россию. Но революция уже изменила свой лик. Октябрьский переворот, разгон учредительного собрания, гражданская война, утверждение большевистской партийной диктатуры под маской «власти советов». Зборовский не узнал в обезличенных советах, подвластных воле диктаторов — Ленина и Троцкого, — свободных органов революционного самоуправ-

^{*}) Прообразом петербургского совета рабочих депутатов было «собрание уполномоченных от типографий», созданное в Москве по инициативе меньшевистского нелегального «союза печатников» для руководства всеобщей стачкой типографских рабочих в сентябре 1905 г.

ной форме еще нет, но элементы ее уже носятся в воздухе, кристаллизуясь вокруг лозунга «уважения к деньгам» и «исторических», конечно, «решений ноябрьского пленума». И если в первые годы генеральной линии страна явилась плацдармом бурного строительства, для которого была произведена грандиозная мобилизация социальных эмоций трудящихся, то сейчас годы строительной бури и натиска кончаются, сейчас в порядке дня не только «освоение производства», но и «освоение быта» на новых началах, для которых нужна мобилизация уже не социалистических, а каких-то совсем иных эмоций.

Но идеологические традиции компартии и традиционная связь ее с рабочим классом являются немалым препятствием на пути осуществления этой новой политики. И выросший в этих традициях партийный аппарат должен еще подвергнуться энергичной обработке, чтобы стать верным проводником новых политических и социальных установок и послушным орудием, если не для предупреждения, то по крайней мере для энергичного подавления новых оппозиционных настроений, в неизбежности распространения которых в рабочих массах, повидимому, отдают себе отчет и руководители компартии. Для того, чтобы подготовить партийные организации для осуществления этой задачи, и проводит

ления пролетариата. Он не пошел за большевиками. Он остался верен знамени демократического социализма, идее рабочей самостоятельности, исконному духу меньшевизма. В родном городе — в Одессе — он остается до конца 1919 года, активно работая в местной меньшевистской организации. Вместе с ней он переживает ряд катастрофических переворотов и сменявшихся, как в калейдоскопе, властей, неизменно выступая против диктатуры как справа, так и слева.

Вторая — и последняя эмиграция. Нет места разочарованию, безверию, малодушию. Но силы уже надломлены, здоровье расшатано, сердце отказывается работать. В эмигрантской организации меньшевиков Зборовский до конца принимает посильное участие. Примыкая по своим взглядам к так наз. «правому» течению, Зборовский, неотрывно сросшийся с партией, в строительстве которой он принимал столь деятельное участие, превыше всего ставил, однако, в эмиграции, как прежде в России, интересы партии в целом. Он был и умер партийным патриотом.

Умер с верой в торжество нашего общего дела. Умер с верой в будущее нашей партии. Умер с надеждой на непременно грядущую новую смену. Вместе с ним, временно скончавшимся другом и соратником, мы верим, что смена придет. Смена означает преемственность — не конкретных директив, лозунгов, взглядов, а общих основ с.-д. мировоззрения и общего духа меньшевизма, неотрывно связывавшего с часа своего рождения социализм с демократией и подлинную революционность неизменно видевшего в развитии рабочей сознательности и самостоятельности. Память о герое революционного подполья и создателе первой открытой всерабочей организации послужит вдохновляющим примером для нашей грядущей смены. Систематическая фальсификация революционной истории не поможет большевикам. Правда о меньшевизме, о его революционной роли в деле свержения царизма, о его инициативной роли в области самостоятельной организации и политического воспитания российского пролетариата выйдет наружу, а с нею и правда о подготовителях и делаателях великой русской революции.

П. Гарви.

ся сейчас, после только что, казалось, законченной партийной чистки какая-то новая сверх-чистка, новый «отбор послушных», облекающийся, под флагом борьбы с оппозицией, в форму похода против «гнилого либерализма» парткомов.

В. Александрова.

ИНДУСТРИЯ СССР в 1934 г.

Первая пятилетка положила фундамент коренной реорганизации экономической системы Советской России — превращения ее из отсталой аграрной страны в страну индустриальную. Но при головокружительных темпах строительства, при необходимости преодоления сопротивления объективных условий в результате пятилетки возник лишь грубый черновой набросок новой индустриализованной страны, с резкими диспропорциями и прорывами, с недостаточным эффектом освоения построенных предприятий.

Вставал вопрос, как скоро сможет страна разрешить возникшие перед ней задачи и справиться с освоением колоссального оборудования индустрии. Убедившись на опыте, что овладение производством представляет большие трудности, чем процесс строительства, советская власть отказалась от первоначального проекта второй пятилетки с фантастическими темпами роста и удовлетворилась более реальными планами со ставкой на подтягивание качественных показателей к количественным.

1933 год — первый год второй пятилетки — был годом преимущественной ликвидации диспропорций и прорывов, оставленных первой пятилеткой, и характеризовался относительно низкими показателями промышленного роста по сравнению с предыдущими годами первой пятилетки. Несомненно, однако, что работа, произведенная в промышленности в 1933 году, оказала свое положительное влияние на результаты 1934 года.

1934-ый год, стоявший под знаком освоения новой техники, является годом решительных сдвигов, годом, который безусловно будет признан переломным в развитии советской индустрии.

Это утверждение ни в коей мере не означает, что в 1934 году побеждены все те сложности, которые стоят на пути развертывания промышленности в СССР. Наоборот, истекший год ярко показал, как сильно еще противодействие объективных условий, которые преобразуются лишь весьма медленно под влиянием новых, в процессе перестройки создающихся факторов. И в 1934 году советской власти не удалось разрешить проблемы транспорта, оставшегося «узким местом», тормазившим развитие ряда отраслей промышленности. Сельское хозяйство из-за недостаточной урожайности технических культур и неудовлетворительного состояния животноводства препятствовало подьему промышленности средств потребления. По-прежнему еще вложение средств в основные фонды урезывает потребительскую долю населения. Но наряду с этим отчетливо выявились новые тенденции, обусловленные совершившейся технической реконструкцией страны.

**

После снижения 1932 и 1933 годов 1934 год дает вновь высокие темпы роста. Тогда как валовая продукция всей промышленности возросла в 1932 г. на 12,2%, а в 1933 г. на 8,3%, в 1934 г. она увеличилась на 14,9%, достигнув суммы в 53,9 млрд. рублей (в ценах 1926-27 года), что составляет 96,6% выполнения плана.

Еще больше возрастание по крупной промышленности, где прирост достигает 18,3% по сравнению с 13,5% и 8,8% двух предыдущих лет. Кривая роста продукции, идет, таким образом, не к «затуханию», а к но-

вотому взлету. Не приходится при этом забывать, что процент прироста имеет теперь больший удельный вес, вследствие чего увеличение продукции в абсолютных цифрах оказывается в истекшем году большим, чем в какой-либо из годов пятилетки. Он составляет 7,8 млрд. руб. и почти равен приросту двух предыдущих лет (8 млрд. р.).

При дальнейшем анализе результатов прошлого года бросается в глаза, однако, то обстоятельство, что осталась неразрешенной основная задача, которую советская власть провозгласила во второй пятилетке: увеличение производства предметов потребления в темпах более высоких, чем тяжелой индустрии. Правда, от этой директивы советская власть отступила уже при выработке плана на 1934 год, по которому при общем росте промышленности на 19%, рост производства средств производства намечался на 21,7%, а продуктов широкого потребления — лишь на 15,8%. На практике даже и эти сниженные темпы не были выполнены, и тогда как тяжелая индустрия переросла за рамки плана, производство изделий потребительского назначения возросло лишь на 9,0%.

Насколько низко производство этих изделий, показывает следующий пример. Между тем как по плану первой пятилетки предполагалось производить к концу ее 4,700 млн. метров хлопчатобумажных тканей, во втором году второй пятилетки план намечал производство 3,059 млн. м., а практически произведено лишь 2,711 млн. метр. Как мы указывали уже выше, на результатах работы легкой и пищевой промышленности сказывается неудовлетворительное положение с техническими культурами и животноводством. Но совершенно очевидно, что если бы советское правительство, действительно, сконцентрировало внимание на снабжении легкой промышленности сырьем — как это обещал Куйбышев на Московском областном съезде, — и не оставило перед вложением необходимых для этого средств, оно эту задачу сумело бы разрешить и в 1934 г., — конечно, за счет снижения нескольких процентов выполнения плана тяжелой индустрии.

При общем неудовлетворительном состоянии производства средств потребления нельзя не отметить некоторых существенных сдвигов, происшедших все-же за истекший год в отдельных отраслях. Пищевая промышленность, недовыполнив плана (92,7%), дала все же прирост продукции за год на 20,2%. По маслодельной, мыловаренной, крахмально-паточной и ряду других отраслей планы выполнены и даже перевыполнены. По легкой промышленности возрастание производства по сравнению с прошлым годом составляет лишь 5,3%, но в отдельных отраслях текстильной промышленности имеется также перевыполнение планов.

Тяжелая промышленность закончила год превышением плана (101,5%) и дала прирост продукции на 26,7%, тогда как в 1932 г. прирост составлял — 21,1%, а в 1933 — 11,1%. Особенно показательны достижения в черной металлургии. Эта основная и ведущая область индустриализации всегда была предметом самого большого внимания и неустанных забот со стороны советского правительства. Тем не менее во все прошлые годы советской власти никак не удавалось дать необходимый, в соответствии с потребностями народного хозяйства, размах производству чугуна и стали. И первая пятилетка, и первый год второй пятилетки закончились значительным недовыполнением планов. Производство 1934 г. в общем достигло только пределов, намеченных первой пятилеткой. Однако, существенным является то, что в 1934 году удалось сдвинуть черную металлургию с мертвой точки и значительно продвинуть ее вперед. В 1934 году произведено 10 4 млн. тонн чугуна, что дает выполнение плана на 104,5% и состав-

ляет прирост в 47% по сравнению с прошлым годом. Производство стали поднялось до 9,6 млн. тонн (98% плана) и увеличилось против 1933 года на 40%. 6,7 млн. тонн проката, полученных в 1934 году, означают 101,8% выполнения плана и 37,8% прироста за год. Возможность быстрого роста черной металлургии была обеспечена успешной работой железорудной и коксовой промышленности, выполнивших и перевыполнивших планы. По достигнутому уровню производство чугуна в 1934 году обогнало довоенное в 2,5 раза, стали — в 2,3 раза, проката — в 1,9 раза.

Большой рост показала в 1934 г. каменноугольная промышленность, хотя и не выполнившая полностью плана (97,2%), но поднявшая производство до 93,5 млн. тонн. Донбасс выполнил план на 100% и дал 60 млн. тонн угля, что превышает более, чем вдвое, производство угля всей России в 1913 году. Прирост производства на 23,7% в 1934 году превышает темпы роста угольной промышленности за первую пятилетку.

Высокий темп роста (33,2%) дала химическая промышленность, выполнившая план на 106,9%. Производство электроэнергии в 20,5 млрд. квт-часов выполняет план на 107,9% и на 25,5% превышает прошлогодний объем производства. Огромных успехов достигло вновь авто- и тракторостроение. Производство тракторов возросло с 78 тысяч в 1933 году до 93 тыс. в 1934 г., автомобилей с 49,7 тыс. до 72 тыс.

На фоне этих успехов резко выступает прорыв в нефтяной промышленности, которая, дав 25,5 млн. тонн, выполнила план только на 88,9%. Этот прорыв объясняется тем, что в прошлые годы рост продукции шел преимущественно за счет использования наличных скважин, и не подготовлены были необходимые условия для расширения производства.

Что успехи промышленности в истекшем году не являются временными или случайными, а обусловлены произведенной технической реконструкцией, об этом свидетельствуют значительные сдвиги и в состоянии качественных показателей производства: рост производительности труда, лучшее использование оборудования, топлива, сырья, снижение себестоимости в ряде отраслей.

Производительность труда рабочего по всей промышленности возросла на 9,5%. Но при этом в легкой промышленности рост производительности труда почти не заметен, в пищевой промышленности повышение выработки рабочего дали только отдельные отрасли. Между тем в тяжелой промышленности увеличение выработки на одного рабочего составило в 1934 году 16%. В черной металлургии среднемесячная выработка одного рабочего возросла на 26,2% (по данным за 10 месяцев). По каменноугольной промышленности возрастание составляет 13,3%, по машиностроению — 15,6%, по авто- и тракторостроению — 26% (за 10 месяцев).

В ряде отраслей тяжелой промышленности выявляется с большой отчетливостью прогресс в использовании оборудования. В производстве чугуна значительно улучшено использование домен, которые давали тонну чугуна с 1,88 кубических метров объема в 1931 году, 1,69 куб. метр. объема в 1933 году, а в 1934 с 1,31. При этом некоторые доменные печи и отдельные печи достигают еще значительно лучших результатов. Улучшились — хотя и не в такой мере, как по домам — также коэффициенты в мартеновских цехах, где повысился с'ем стали с одного кв. метра пода. Одновременно в ряде отраслей происходит улучшение в использовании сырья и топлива, улучшается качество выпускаемых изделий и уменьшается брак.

Эти моменты не могут не влиять на движение себестоимости. То, что в целом по всей промышленности в 1934 г. себестоимость осталась приблизительно на уровне прошлого года, является отражением неравномерности роста качественных показателей в различных группах индустрии. В легкой промышленности по отдельным отраслям происходит не только не снижение, но даже повышение себестоимости. Иную картину дает тяжелая индустрия. Уже в 1933 году она снизила себестоимость на 1,4%, в 1934 году снижение достигло приблизительно 7% (данные Орджоникидзе). Черная металлургия, железорудная, основная химия, машиностроение дают понижение себестоимости приблизительно на 10% (по данным за 9 месяцев). Приходится также отметить не имевшее раньше места снижение себестоимости — на 2,6% — по каменноугольной промышленности, — правда, только за счет Донбасса и Кузбасса, тогда как другие районы, наоборот, даже повысили себестоимость.

Конечно, констатируя все эти положительные процессы в развитии промышленности, нужно иметь все время в виду, что мы имеем дело во многих случаях лишь с относительным прогрессом, что абсолютно многие достигнутые нормы совершенно недостаточны и весьма далеки от западных образцов. И сейчас еще имеются серьезнейшие дефекты в работе промышленности, и сейчас еще не может быть твердой уверенности, что промышленность в ряде отраслей гарантирована от прорывов. В то же время мы видим, что производственные достижения распространяются лишь на часть промышленности, и легкая промышленность остается в общем по прежнему отсталым участком.

Со всеми этими оговорками нельзя, однако, не признать огромных завоеваний, которые сделаны страной в истекшем году. Успехи 1934 года показывают, что Советская Россия в состоянии не только построить новые заводы, но и освоить их. Мертвый капитал, вложенный в основные фонды промышленности, начинает приносить плоды. В этом освоении делаются пока еще только первые шаги, еще и сейчас производственная мощь предприятий используется далеко не полностью. Но постепенное овладение техникой создает условия для дальнейшего быстрого роста и улучшения качественных показателей. В положительных итогах истекшего года нельзя также не отметить гораздо большего приближения исполнения к наметкам планов чем это было в прошлые годы. По важнейшим отраслям отклонения колеблются в пределах 5-10%. Это означает все растущую возможность государственного воздействия на экономику страны.

Успехи 1934 года стали возможны только потому, что параллельно и в самом процессе промышленного развития готовились те живые кадры, которым приходилось овладевать мертвыми механизмами. Успехи промышленности связаны непосредственно с тем колоссальным культурно-бытовым подъемом широких масс, который происходит на наших глазах в Советской России.

Проблема кадров требовала разрешения в направлении технической подготовки рабочих масс и руководства, и в направлении преодоления той текучести, которая была бичем производства в прошлые годы.

Снабжение предприятий квалифицированными рабочими и техническим руководством еще весьма далеко отстает от потребностей, тем не менее нельзя не видеть несомненных достижений в этой области. Быстрый подъем общего культурного уровня, охват общим образованием почти всего населения страны, систематическая

ЗАГРАНИЧНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ Р. С. Д. Р. П. РЕКОМЕНДУЕТ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ И СОЧУВСТВУЮЩИМ ПРИОБРЕТАТЬ И ВЫПИСЫВАТЬ ВСЕ ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ И КНИГИ ЧЕРЕЗ КНИЖНО-ГАЗЕТНОЕ БЮРО ПРИ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ВЕСТНИКЕ».

БЮРО ВЫПОЛНЯЕТ ВСЕ ЗАКАЗЫ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВ.

техническая подготовка широких рабочих масс и на самих предприятиях, и в технических школах различных типов, — все это способствовало уже сейчас созданию кадров, способных разрешать многие трудные задачи, стоящие перед производством.

В связи с этими моментами, а также с изменением к лучшему культурно-бытовых условий существования рабочего класса, стоит факт уменьшения текучести в промышленности. За последние два-три года основные кадры на заводах и на строительстве в значительной мере стабилизировались. Ряд отраслей индустрии, показавших высокие качественные коэффициенты, имеет постоянный основной штат не только рабочих, но и руководящего инженерно-технического персонала.

В результате завоеваний 1934 года Советская Россия двинулась еще одним шагом дальше по пути индустриализации. В 1933 году удельный вес промышленности в валовой продукции народного хозяйства составлял 71,1% — против 40,1% в 1913 г., — в 1934 году он возрос до 73,1%.

По ряду отраслей промышленности Советской России удается, действительно, не только «догнать», но даже и «перегнать» страны, стоявшие ранее далеко впереди нее. И это не только при сравнении с современным состоянием капиталистического производства, сниженного кризисом, но и в сопоставлении с 1929 г. — апогеем роста капиталистической промышленности. Если в 1913 году Россия стояла на 15 месте в мире по производству электроэнергии, то в 1934 году по сравнению с производством капиталистических стран в 1929 году она занимает второе место в Европе и третье в мире, по выполнению чугуна она передвинулась с пятого места на второе место в Европе и третье в мире и т. д. Со всеми поправками на качество, на учет среднечеловеческих норм — факт огромного промышленного роста совершенно неоспорим.

Этот промышленный рост позволил Советской России значительно уменьшить свою зависимость от капиталистических стран. Советская Россия не только чрезвычайно сократила промышленный импорт, но даже перешла сама к экспортированию промышленных изделий и промышленного оборудования.

Истекший год еще раз подкрепляет выводы, к которым приводила оценка результатов первой пятилетки: огромны внутренние силы и преимущества системы обобществленного планируемого хозяйства в стране, где капиталистический класс уничтожен и социальной базой нового строя является пролетариат.

Конечно, велики те жертвы, которые приходилось и еще приходится приносить рабочему классу и трудящимся в период перестройки социальной системы, но то, что, в противоположность переживаемому кризису капиталистических стран, Советская Россия идет по пути производственного подъема и повышения эффективности труда, открывает перспективы возможности значительного улучшения положения широких масс.

О. Доманевская.

НОВЫЙ ПОХОД

За последние полгода мы несколько отвыкли от тех отвратительных форм борьбы с европейским социалистическим и профессиональным движением, которые усиленно культивировались в коммунистической печати в период безраздельного господства «теории» о социал-демократии, как о «главном враге» революционного пролетариата и о «главной опоре» буржуазии. Казалось, перед лицом все выше поднимающего голову фашизма в руководящих коммунистических кругах понемногу начали сознавать, в какой тупик заводит такая борьба внутри рабочего класса. Идея единого фронта — не в «маневренном» только смысле, не для «разоблачения» социалистических партий и «реформистских» профсоюзов, а для действительного «единства действий» социалистов и коммунистов в борьбе против фашистской опасности, — казалось, начала претворяться в жизнь.

Наибольший успех эта политика единства действий имела во Франции, где совершенно по новому начали складываться взаимоотношения между социалистической и коммунистической партиями. Во французском профессиональном движении результаты нового курса сказались пока менее ощутительно. Но и здесь вопрос явно сдвинулся с мертвой точки, и в последние месяцы создалась, наконец, психологическая возможность непосредственных переговоров между Всеобщей и Всеобщей Унитарной (коммунистической) Конфедерациями Труда. А 18-го января мог, наконец, состояться в Париже — впервые после долгих лет раскола — грандиозный антифашистский митинг, организованный при участии не только обеих рабочих партий, но и обоих профсоюзных объединений. От имени «реформистских» профсоюзов выступал на этом митинге генеральный секретарь парижского окружного союза профсоюзов, по обычной у нас терминологии — парижского окружного совета профсоюзов, Гиро. 19-го января, давая отчет об этом митинге, «Юманитэ» выразило свою радость по поводу этого нового успеха на пути к единству профессионального движения. И вдруг, буквально на следующий день «Правда» открыла ожесточенную кампанию против руководства парижских «меньшевистских» профсоюзов — парижского совета профсоюзов, по своей резкости и клеветническому характеру напоминающую худшие образцы недоброй памяти прошлого.

«Наемные лакеи капиталистов», «враги пролетариата», «подлены» — этим отборным жаргоном «Правда» «кроет» парижский окружной совет профсоюзов, вышедший (кстати, еще 4-го января, т. е. до совместного митинга 18 января), «в виду событий, последовавших за убийством Кирова», резолюцию протеста против «кровавых репрессий, выразившихся в расстреле более ста рабочих, ни соучастие которых в совершении преступления, ни связь с белогвардейцами не установлены». Парижский совпроф солидаризуется далее с известной резолюцией английской рабочей партии и совета трэд-юнионов, подчеркивает, что «всем лицам, как арестованным, так и могущим быть арестованными, должна быть предоставлена полная возможность действительной легальной защиты в процессе гласного суда», «выражает свое сожаление» по поводу того, что правительство, говорящее именем рабочего класса, подает пример массовой кровавой расправы, и просит руководство Всеобщей Конфедерации Труда довести до сведения советского посла о «волнении, охватившем французский рабочий класс».

В этой резолюции есть только одно слабое место, это указание на расстрел «более ста рабочих». В

числе расстрелянных под видом «белогвардейцев» многочисленных русских и иностранных оппозиционных коммунистов было, конечно, немало рабочих, но значительная часть расстрелянных, вероятно, не рабочие, а в большинстве своем служащие. По существу, однако, эта ошибка авторов парижской резолюции, ошибка, за которую с такой жадностью ухватилась «Правда», не имеет значения, и позднейшие аналогичные резолюции парижских профсоюзов и руководства Всеобщей Конфедерации Труда уже от нее свободны. Важно в этой резолюции другое, и это, конечно, понимают и в редакции «Правды» (отсюда и бешенство). Европейские рабочие не мирятся с той системой бессудных казней, которая вновь расцвела пышным цветом в Советском Союзе, и во имя человечности, во имя чести рабочего класса и чести правительства, именем рабочего класса говорящего, возвышают против этого позора протестующий голос. И таковы настроения, охватывающие чрезвычайно широкие слои сознательных рабочих.

Европейская коммунистическая печать отдает себе в этом отчет, и чтобы ослабить неизбежный в результате этой террористической политики урон престижу коммунистической диктатуры, она усиленно раздувает бахвальские заявления жалких белогвардейских листов (русских «фашистов» и Братства рус. правды) о якобы энергичной террористической деятельности белогвардейских организаций в Советском Союзе. Чтобы оправдать пред лицом европейского рабочего класса террористический пароксизм советского правительства, европейская коммунистическая печать, сама, повидимому, этого не замечая, становится рупором белогвардейских кругов, пытающихся создать в европейском общественном мнении представление о громадной силе в Советском Союзе белогвардейского террора, являющегося будто бы постоянной угрозой «власти советов» *).

«Правда» не может так широко пользоваться этими аргументами; вздорность их в Советском Союзе слишком очевидна. Она аргументирует поэтому иначе: «под-

*) Положение оказывается еще труднее, когда речь заходит о расстрелах уже не белогвардейцев (действительных или мнимых), а, например, о все больше входящих у нас в обиход расстрелах (хотя бы и по суду) железнодорожников, по нерадивости которых произошло то или иное железнодорожное крушение. Последние наши ж.-д. процессы, закончившиеся рядом смертных казней вызвали тревогу среди европейских железнодорожников. 10-го января общее собрание союза парижских железнодорожников левобережных железных дорог (т. е. на левом берегу Сены) единогласно постановило протестовать против этих расстрелов и довести этот протест до сведения советского посла. Для борьбы с нерадивостью железнодорожников нет необходимости, по мнению французского союза, прибегать к таким чудовищным мерам, и основные причины железнодорожных катастроф нужно искать не в преступности железнодорожников, а в плохом материальном и организационном состоянии железных дорог.

Эти аргументы убедительны, особенно убедительны для железнодорожников, в том числе конечно, и для железнодорожников-коммунистов. Что тут делать руководителям французской унитарной (т. е. коммунистической) федерации железнодорожников? Положение обязывает и генеральный секретарь унитарной федерации железнодорожников Семар взял на себя неблагоприятную задачу оправдать (в «Юманитэ» от 30-го января) расстрелы железнодорожников в Советском Союзе. Оказывается, это не просто нерадивые работники, а контр-революционные вредители. «Перекликающиеся» с белогвардейскими террористами. И опять приводятся уже известные цитаты из «Фашиста» и листка Братства русской правды. Но, увы, железнодорожные процессы разбирались ведь гласно, и на суде о сознательном вредительстве, а тем более о связи обвиняемых с белогвардейскими террористами даже и не говорилось. Но тогда, что же ответить французским железнодорожникам? И советская пресса просто скрывает их протест от русских читателей. А то как бы не протянулись нити симпатии от русских железнодорожников к французским.

дые» «парижские меньшевистские профбюрократы» «не находили слов осуждения для убийц (Кирова)», зато сумели «стать на сторону белогвардейских бандитов и контр-революционеров». В Москве бумага все стерпит. Но перед европейскими рабочими приходится выступать осторожнее. И даже Лозовский во французской коммунистической профсоюзной «Ви Увриер» (от 25-го января) пишет совсем иначе: «Чувствительные сердца Генерального Совета тред-юнионов, эластичная совесть руководителей парижских реформистских профсоюзов и душевное благородство меньшевиков глубочайшим образом шокированы. Все эти господа выражают свое соболезнование по поводу убийства Кирова, но протестуют против расстрелов белогвардейцев...» Для внутреннего употребления это недостаточно убедительно. «Правда» знает свое дело. Пароль дан. И кампания против «меньшевиков» и социал-фашистов» (жив Курилка!) развертывается во всю. Может быть, наиболее красочным ее выражением явилось обращение «рязанских рабочих» к «реформистским профбюрократам Парижа»:

«Проституированные продажные шкуры! Чем вы лучше Николаева, если вы спокойно приняли весть об убийстве Кирова и подняли вой, когда диктатура пролетариата, защищая завоевания революции, обрушила меч на головы террористов?»

И отсюда обращение к парижским рабочим:

«Мы обращаемся через головы социал-фашистских профсоюзных вождей к парижским рабочим, еще не освободившимся от влияния обманывающих их профбюрократов: рвите немедленно со своими заклятыми врагами, знайте, что они продолжают дело кровавых собак Тьера и Галлифе, потопивших в крови Парижскую Коммуну!» («Правда» от 21-го января).

Еще через день «Правда» публикует — за 6.000 подписей (темпы-то какие!) — «письмо пролетариям горда Парижа от московской фабрики Парижская Коммуна», выдержанное в духе все той же политики «единства снизу» против «предательских реформистских профбюрократов». Идея эта становится лейт-мотивом бесчисленных резолюций, речей, статей...

Каков внутренний смысл этой кампании? Означает ли она, что в руководящих московских кругах решено сорвать развитие в сторону восстановления единства французского профессионального движения, а, может быть, и подготовить почву для ликвидации во Франции политики единства действий? Мы хотели бы сейчас только поставить этот вопрос. Для ответа на него у нас нет еще пока достаточных данных. Менее загадочны цели, которые ставят себе инициаторы этой кампании внутри Советского Союза. Русский рабочий класс приближается сейчас, повидимому, к поворотному пункту своего развития. Политическая и общественная обстановка все чаще начинает напоминать рабочим об их классовых задачах. В этих условиях клеветническая кампания против международного «меньшевизма», политика дискредитирования европейских классовых рабочих организаций, не мирящихся с коммунистическими колотками и строящихся на почве рабочей демократии, это средство затруднить рабочим Советского Союза возвращение на пути классовой самостоятельности, помешать развитию у рабочих стремления к созданию своих собственных, самостоятельных, построенных на началах рабочего самоуправления, т. е. по существу «меньшевистских» рабочих организаций.

С. Шварц.

**ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!**

ЗАГРАНИЦЕЙ

РАБОЧЕЕ ЕДИНСТВО И МЕЖРАБПОМ.

29 декабря 1934 г. Межрабпом обратился к Международной Федерации Профсоюзов, Рабочему Социалистическому Интернационалу и Фонду Маттеоти с письмом, в котором предлагал организовать совместную кампанию с Фондом Маттеоти. 18 января 1935 года названные три учреждения ответили ЦК Межрабпома в Москве следующим письмом, подписанным В. Схэвенельсом и Ф. Адлером:

Уважаемые товарищи,

в своем письме от 29 дек. 1934 г. вы предлагаете МФПС и РСИ, чтобы «Межрабпом» и «Фонд Маттеоти» «организовали совместную кампанию в пользу трудящихся Испании» и «пользуемся этим случаем, чтобы поставить вопрос об организации совместной международной кампании в пользу бесчисленных жертв террора в различных странах».

В этом письме мы не хотим говорить о тех низких клеветах, которые Межрабпом распространял насчет Фонда Маттеоти в связи с предпринятой нами кампанией солидарности в Австрии.

Точно так же не хотим мы пускаться в дискуссию по вопросу о том, в каком смысле Межрабпом может считаться «партийной организацией». Нам достаточно напомнить заявленное председателем Коминтерна, сделанное 25 мая 1925 года в Москве в той речи, которую он открыл конгресс Межрабпома:

«Межрабпом — это коммунистическая организация, ставящая себе целью помочь рабочим всего мира, преследуемым буржуазией. Межрабпом — не филантропическая, не благотворительная организация: он должен быть звеном международного пролетарского движения. Исполком Коминтерна считает Межрабпом одним из своих членов, и притом одним из наиболее важных членов своих». (Стр. 28 протоколов конгресса Межрабпома).

Само собою разумеется, Коминтерн имеет полное право создавать при себе нужные ему вспомогательные учреждения подобно тому, как РСИ и МФПС создали себе такое учреждение в виде Фонда Маттеоти. Но отсюда следует, и это надо всегда помнить, что Межрабпом есть орган Коминтерна и не обладает никакой самостоятельностью.

Нашим самым горячим желанием является осуществление действительного единства рабочего класса, которое в высочайшей степени усилило бы его дееспособность. Но единый фронт между вспомогательными учреждениями — это не то организационное единство, к которому мы стремимся.

Мы не хотим однако скрыть от вас, что именно в данный момент ваше предложение о совместном созыве Межрабпомом и Фондом Маттеоти «конференции помощи во всех соответствующих странах» не может не вызвать особых сомнений. Мы убеждены, что в настоящее время совместные действия нашего Фонда Маттеоти с Межрабпомом никоим образом не пойдут на пользу предпринятой нами кампании помощи жертвам террора в Испании, а наоборот, нанесут серьезнейший ущерб этой кампании. Мы боремся за нормальное судопроизводство в Испании, за соблюдение правовых гарантий, против смертной казни. Но на каждой из предлагаемых вами совместных конференций помощи сам собой встал бы вопрос, почему же Межрабпом, насчитывающий, согласно докладу на его последнем конгрессе, 8 с четв. миллионов членов в Советском Союзе, не счел нужным требовать и в СССР тех правовых гарантий, которых он требует в капиталистических странах.

Мы понимаем и одобряем, что Советский Союз со всей энергией борется против всех контр-революционных машинаний. Но мы не понимаем и всегда будем протестовать против того, что в Советском Союзе творится суд в отсутствие обвиняемых и защитников, что не допускаются ни апелляции против произнесенных приговоров, ни даже просьбы о помиловании, что смертные приговоры приводятся в исполнение немедленно по вынесении, без всякой отсрочки. Нашей борьбе против преступного уничтожения правовых гарантий фашистскими диктаторами наносится серьезнейший удар теми отвратительными клеветами, которые ЦИК СССР ввел в действие 1 декабря 1934 года.

Вот причины, неизбежно ведущие к весьма существенному ослаблению моральной убедительности Межрабпомовской пропаганды. При таких условиях мы считаем данный момент наименее подходящим для обсуждения вопроса о совместной кампании нашего Фонда Маттеоти с Межрабпомом. В настоящее время для обоих учреждений не остается ничего иного, как каждому своим собственными силами пытаться оказывать наиболее действительную помощь жертвам из среды рабочего класса. И выполнение этой задачи было

бы весьма существенно облегчено, если бы Межрабпом от- казался от борьбы против Фонда Маттеоти и, подобно этому Фонду, ограничился работой в рамках своих подлинных за- дач.

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОЕД. ШТАТОВ С. А.

От ред. — Печатаемая статья, принадлежащая пе- ру т. А. Алексеева, члена американской социалистиче- ской партии и секретаря ее русского отдела в Нью-Йор- ке, прислана нам редакцией «The American Socialist Quarterly», теоретического органа Социалистической партии, с просьбой поместить ее в «С. В.» в интересах уточнения той информации о внутреннем состоянии аме- риканской партии, которая была в свое время дана на страницах нашего журнала. Мы охотно даем место это- му ценному информационному материалу, исходящему от левого крыла (большинства) партии.

О победе левого крыла партии на Съезде в Детройте, в ию- ле минувшего года, уже сообщалось в «С. В.» (№ 14/323). Состоявшийся недавно референдум по вопросу о принятой Съездом Декларации Принципов также — вопреки всем пред- сказаниям правых — дал победу левым. За Декларацию вы- сказалось большинство, несмотря на то, что текст Декла- рации далеко не удовлетворял и левых. Однако, неудачные формулировки Декларации явились результатом лишь орга- низационной оплошности, а не теоретических уклонов. Ре- зультатом такой же оплошности явилось и принятие Съез- дом спорной Декларации целиком, без постановочного обсуж- дения, чем исключена была всякая возможность исправления неудачных формулировок. Эти факты говорят, разумеется, о слабой организованности левого крыла, но не более того. Немарксистские формулировки Декларации (особенно неуда- чен здесь пункт о войне) ни в каком случае не свидетель- ствуют о том, что в левом крыле имеется «большой уклон в сторону большевизма», или что здесь наблюдается «реци- див анархизма и де-лионизма» (см. упомянутую статью в «С. В.»). Наоборот, именно в левом крыле особенно сильны тенденции к революционному марксизму, отталкиванию и от реформизма, и от большевизма. С полным основанием мож- но утверждать, что позиция победившего левого крыла аме- риканского социализма, в общем, совпадает с позицией «Соц. Вестн.» и, во всяком случае, не выходит за пределы его не только направо, но и налево.

Программные выступления левого крыла, в большинстве случаев, выдержаны в марксистском духе и выгодно отли- чаются от Декларации. Отношение к демократии и диктатуре формулируется в одном из таких выступлений следующим образом: «В демократических странах наиболее желательным путем к власти является открытый, легальный демократиче- ский путь... Однако, опыт Европы показывает, что капита- лизм сам стремится отменить демократию, когда она стано- вится угрозой для него... К такому случаю каждая соц. пар- тия должна готовиться...» Но «русский путь», как продукт специфически русских условий, здесь решительно отверга- ется.

Если левое крыло, несмотря на свои марксистские тенден- ции, голосовало за Детройтскую Декларацию, то лишь по- тому, что отклонение ее означало бы худшее зло — победу в партии реформизма, ксентизма, крайнего легализма, пред- ставляемых правым (и все больше правящим) крылом, во главе с Волдманом и др. В своих возражениях против Де- кларации правое крыло само характеризовало свою позицию достаточно ярко: «Мы — легальная политическая партия, мы против всяких нелегальных методов... При поддержке боль- шинства, став правительством законным путем, мы победим». Правое крыло решительно отказывается изменить «позицию, на которой мы стояли 30 лет». Жестокий опыт европейского социализма прошел для правого крыла бесследно: «События 1932 года не создали необходимости изменить наши социа- листические принципы».

Усиление левого крыла началось после памятного бирже- вого краха 1929 г. Трагедия европейского социализма в 1933 и 1934 гг. произвела потрясающее впечатление на теоретиче- ски-чуткую молодежь партии и ускорила переход ее на ле- вые позиции. Начинаясь закат американского капитализ- ма, обостряя классовые противоречия и радикализируя мас- сы, открывает новые перспективы перед энергичным, актив- ным, полным молодого энтузиазма левым крылом американ- ского социализма. Именно здесь формируются теперь кад- ры рабочей молодежи. Она дышет одной грудью с массами и принимает самое деятельное участие в их борьбе. Во вре- мя недавних грандиозных забастовок, прокатившихся от Сан- Франциско до Нью-Йорка, левое крыло сыграло очень зна- чительную роль и подняло престиж партии в юнионах. Лек- ции и теоретические дискуссии, устриваемые левыми, все-

гда привлекают многочисленных слушателей и вызывают горячие и содержательные прения, причем вопросам между- народного социалистического движения уделяется едва-ли не больше места, чем местным задачам. Здесь есть идейное бес- страшие, вера в себя и воля к революции, которых так не- достаёт правому крылу. Сердце американского социализма бьется слева, а не справа.

Нью-Йорк.

А. Г. Алексеев.

ЛЕОН ОСМЭН

В ночь на 30 января скончался в Париже на 69 году жи- зни Леон Коммейн, широко известный и во французской пар- тии, и в Интернационале под своим давним, боевым партий- ным именем Осмэн, перешедшим по наследству и к его двум дочерям — тоже видным деятельницам французской социа- листической партии.

Осмэн был одним из старейших строителей и участников социалистического рабочего движения во Франции и одним из ревностнейших пионеров «гэдизма» — марксизма, пере- несенного на французскую почву. Особую популярность при- обрел Осмэн в партии после Турского раскола, когда, в ка- честве долголетнего секретаря Сейской Федерации, неуто- мимой работой своей содействовал восстановлению этой, почти разрушенной расколом организации. Почти до послед- них дней своей жизни Осмэн, деятельно работал в партий- ном органе, редактируя его «социальную» страницу, и в ре- дакции «Попюлер» всегда можно было встретить его харак- терную фигуру.

Заграничная Делегация нашей партии выразила француз- ским товарищам чувства своего глубокого соболезнования.

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Впечатления и настроения после расправы с Зиновьевым. — Отцы-буржуи и дети-коммунисты.

Есть у меня в числе знакомых одна семья, по составу сво- ему довольно обычная по нашим местам: отец — старый «буржуй», и сейчас занимающийся разными «делами»; сыно- вья — коммунисты. С семьей этой меня связывают давние, еще до-революционные отношения и даже — не слишком, правда, близкие — родственные узы. Встречают меня там всегда хорошо, но бываю я в этой семье все же редко: каж- дый визит приводит неизменно к острым спорам и с пред- ставителями старого поколения, которые видят во мне полу-большевика, да еще, пожалуй, более опасного, чем подлин- ные большевики, и с поколением молодым, которое, несмо- тря на личную привязанность ко мне, обязано считать меня «классовым врагом» и «предателем». Создается положение, при котором всегда опасается сказать что-либо «лишнее», могущее навести собеседников на мысль о моих нелегальных связях. Лучше уж остерегаться самому и не вводить в ис- кусшение других... Все же, после убийства Кирова, массовых расстрелов, расправ с Зиновьевым, Каменевым и Ко, захоте- лось посмотреть, как все эти события отразились на настро- ении моих молодых знакомцев, в общем довольно типичных представителей своей среды.

Старший брат — совсем уже взрослый. Он участвовал в гражданской войне, оборонял Ленинград от Юденича, пла- менно мечтал о мировой революции. Младший — комсомо- лец, совсем еще юный. Обоим нашел сильно угнетенными, хотя и несколько по-разному. Старший, когда-то восторжен- ный поклонник Зиновьева, хотя никогда ни в его «фракции», ни в какой-либо иной не состоявший, производит впечатле- ние просто потерянного человека. Конечно, что Зиновьев впа- л в уклады, перестал быть «любимым вождем», — это он давно знал и даже сам осуждал его ереси. Но он помнит Зиновьева председателем Коминтерна, членом Политбюро и всемогущей «тройки», диктатором Ленинграда, словом, жи- вым воплощением и гашей, и мировой пролетарской рево- люции. И вдруг, Зиновьеву приписывают ни более, ни менее, как намерение восстановить капитализм в Советском Союзе! Это в его голове никак не укладывается и подрывает вся- кое доверие ко всему, что говорится наверху: если это на- врано, то, может, и все остальное неправда, все ложь? Как же тогда быть? Как жить? Где черпать веру для безогляд- ной борьбы за социализм?

Несколько по другому, но так же угнетен его младший брат. По своему возрасту он буржуазии никогда не одолевал и революции не делал: ведь, он и родился-то уже после ре- волюции. Но, по своему комсомольскому званию, он научил- ся верить в лозунги вождей и слепо следовать им. Он уча- ствовал в «легкой кавалерии», кричал, кому полагается, «да

здравствует!» и посылал очередные проклятья всякого рода контр-революционерам. Но теперь в его голове все перемешалось. Зиновьев, Каменев — не последние люди. В свое время они подавали те очередные лозунги, которым он, еще будучи пионером, кричал «ура». Но их имена и до самого последнего времени нет-нет, да и попадались на страницах «Правды» и других газет — и притом почти всегда для того, чтобы обличать белогвардейцев и социал-фашистов. Что они могли власть в уклон, — это еще понятно. Но каким образом они внезапно оказались последним контр-революционным отребьем, подонками и белогвардейцами? Как-же теперь различать, — кого слушать, кому повиноваться и кому, наоборот, как подонкам, посылать ненависть и проклятья? И кто знает, на ком остановится карающий меч революции? Ведь, вот даже сам державший этот меч в руках ленинградский Медведь угодил в тюрьму, хотя и отделался сравнительно дешево. А вдруг завтра этот меч поразит Кагановича, Ворошилова, а то еще и самого Сталина? Вдруг какой-либо новый вождь начнет доказывать, что и сам Сталин хочет восстановления капитализма? Ведь, и в словах Сталина нынче не всегда звучат призывы к мировой революции...

Словом, молодое поколение смущено и не знает, куда податься. В голову лезут разные мысли, а критически думать оно не привыкло, да это и опасно. Руки опускаются, и является желание отойти в сторону или уж по-просту делать все, что прикажут, но уже не задумываясь над тем, на пользу это революции или нет. Слепой вере и энтузиазму нанесен во всяком случае сильный удар, в душу заподает скепсис. И этому настроению упадка весьма содействует в сердцах молодежи ее непосредственные наблюдения над настроением отца, который, наоборот, чувствует себя превосходно.

Отец, как я уже сказал, бывший человек, лишенец, как будто чудом сохранившийся в Советском Союзе после разгрома немцев. Но не надо думать, что сохранился он в качестве отребья или «подонка». Первое время, конечно, пришлось притихнуть и скататься. Но не надолго! Сейчас он живет во всяком случае на положении «дельца», как живут и многие другие «бывшие», и притом отнюдь не чувствует себя затравленным или приниженным, а, наоборот, наслаждается жизнью, сытой и обеспеченной, и, чем дальше, тем больше ощущает себя человеком нужным, который не пропадет. Во всяких комиссарнатах, трестах, заводоуправлениях он — как рыба в воде. Он посредничает между государственными учреждениями и кооперативами, комиссионерствует, свой человек на железных дорогах, который может продвинуть куда угодно и какой угодно вагон, доставить любой товар, покупает, продает и дает взаймы валюту, словом — везде и для всех нужный человек, и его принимают с почетом и уважением такие персоны, к которым, напр., его сыновья-коммунистам доступа нет. Жизнью он доволен и о «восстановлении капитализма» не мечтает, в известном смысле даже не хочет этого восстановления: «кому это нужно? Это, чтобы снова завести фабричку и сбачиться с рабочими? Пусть этим занимается государство у него рабочие шелковые... Пусть прозывают «они», а продавать, посредничать, зарабатывать будем мы». Конечно, заработки свои он исчисляет десятками самое большее — сотней фунтов, — когда речь идет о заработках, он советского рубля не признает: не настоящие деньги! Но 20-30 фунтов в его руках — громадные деньги, гораздо большие, чем сотни и тысячи у самых ловких людей заграничей: так сам он объясняет. «Поглядеть у нас на сто фунтов, и то уже можно заработать. А получить в руки!» — тут он зажмуривает глаза и останавливает дыхание.

Так вот, у этого отца расправа с Зиновьевым вызвала больше всего чувство злорадного удовлетворения. «А, он в свое время грозился, что буржуазия будет давать только нюхать хлеб, чтобы они запаха его не забыли! Положим, и тогда сыновья мои, хоть и коммунисты, кричать-то кричали, но потихоньку воблу и хлеб для старика-отца все-же таскали. А другие таскали и не для отца, а просто для продажи. Но сейчас-то буржуи уж на свои заработанные деньги едят и хлеба хорошего вволю, да и помимо хлеба, много кой-чего другого. А вот что-то станет есть теперь сам Зиновьев? Буржуи слова стали нужными людьми, а он во что превратился?» И все в этом роде.

Контраст между жизнерадостным настроением отца-буржуа и конфузливо-унылыми вздохами его сыновей-коммунистов был так разителен и так поучителен, что я не пожалел о вечере, затраченном на визит. К тому-же на этот раз беседа кончилась мирно: излишней отца не хотелось останавливать, а сыновьям было не до спору...

28 января.

X.

МОСКВА. — Аресты коммунистов, анархистов и др. в Москве. — Борьба отцов и детей среди коммунистов. — «Как у Гитлера!» — Вокруг убийства Кирова. — Мероприятия Сталина.

В Москве идут в последнее время многочисленные аресты среди коммунистов, анархистов и вообще среди людей, бывших когда-либо в до-революционных организациях, но в последние годы стоявших вне политики. В последнее время,

несмотря на весь гнет диктатуры, вокруг научных учреждений образовались неоформленные кружки, дружеские общины, люди встречались, беседовали на научные темы, говорили, конечно, о вопросах общей политики.

Теперь, по доносам, производят аресты среди всех когда-либо обнаруживших в частных беседах склонность к самостоятельным взглядам.

Много арестовано иностранных коммунистов, в том числе и среди немецких эмигрантов. Особенно плохо приходится тем иностранным коммунистам, которые всерьез приняли политику «единого фронта» с европейскими социалистами и высказывали свою радость и надежды на возможность возрождения международного рабочего движения благодаря совместным действиям.

Арестованным иностранцам предлагают на выбор: возвращение на родину, поездку на нелегальную работу по назначению Коминтерна или ссылку на окраины Союза. Арестованы анархисты, уже давно не занимающиеся политикой, но некогда весьма известные в рабочем движении, в том числе бывшие каторжане Новомирский и Сандомирский. Среди арестованных несколько иностранных журналистов.

...В последнее время очень обострились отношения между коммунистами старших поколений и комсомольскою молодежью. Во многих коммунистических семьях теперь внутренняя драма: идет острая борьба между отцами и детьми. Мы воздерживаемся от приведения конкретных фактов, чтобы не подвести людей под репрессии. Сущность споров в общем сводится к тому, что молодежь жалуется на все суживающуюся возможность самостоятельности, на то, что им предписывают думать по шаргалкам и действовать по приказу. Когда в советской печати приводятся сообщения о практике гитлеризма в Германии, многие комсомольцы на это реагируют указанием на то, что «у нас то же самое, то же замещение воли масс приказом сверху, то же запугивание». Делание выборов, внесудебные расправы, судебные маскарады в Германии вызывают у этой молодежи невольное сравнение между порядками в Союзе и в странах фашизма.

...Передает, что во власти этих настроений был и Николаев. У него был найден дневник, в котором он записывал свои мысли и переживания за последние перед убийством 17 дней. Из записей ясно, что личное и политическое у Николаева были переплетены и в итоге привели его к решению совершить убийство одного из столпов Сталинского режима. По дневнику можно проследить, как нарастало убеждение: при этом режиме ничего нельзя сделать, ничего нельзя улучшить. Перед убийством он подал два заявления в этом духе в Политбюро и в Контрольную Комиссию.

После возвращения Сталина из Ленинграда, где он лично обследовал все дело по свежим следам, было создано совещание. На нем Сталин предложил меры в двух направлениях: во-первых, жестоко расправиться со всеми партиями, которые имели хоть косвенное отношение к Николаеву или способствовали оформлению подобных взглядов и, во-вторых, учесть обстоятельства, порождающие недовольство в среде, на которую советская власть имеет основания опираться, — для этого облегчить возможность политического высказывания и сделать некоторые шаги для политического примирения с крестьянством.

Говорят, что эти решения будут реализованы тотчас же после того, как будут закончены массовые репрессии.

Москва, 30 января 35.

ИЗ ПАРТИИ

К ВОПРОСУ О ЕДИНОМ ФРОНТЕ.

От одной из местных групп нашей партии в Советском Союзе мы получили следующее сообщение:

Вопрос о едином фронте нас весьма занимает. Мы ему придаем серьезнейшее значение в связи с надвигающимся фашизмом и расколом пролетариата, вызванным Коминтерном. Мы считаем, что надо принять все меры и способы содействия собиранию пролетарских сил под лозунгом единого фронта. Но надо подходить к разрешению этого вопроса весьма осторожно, в зависимости от условий в каждой отдельной стране и от нашего влияния. Но в то же время нельзя обходить молчанием, как это мыслят отдельные товарищи, положение социалистов в Советском Союзе. В отодвинутости этого вопроса мы усматриваем очерченную маневр Коминтерна, который намерен захватить политическое руководство движением единого фронта. Наша точка зрения: нельзя говорить о едином фронте, изолировав положение социалистов в России. Лишь отдельные товарищи, которых меньшинство, склонны к тому, чтобы единый фронт заключить без каких-либо оговорок. P.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 19/1, 23/1, 5/2.

Отослано: № 3, № 31.